

Стрэчи Л.

КОРОЛЕВА ВИКТОРИЯ

ЖЕНСКИЕ ЛИКИ — СИМВОЛЫ ВЕКОВ

Джайлс Литтон Стрэчи

Королева Виктория

Серия «Женские лики

— СИМВОЛЫ ВЕКОВ»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28516336
Королева Виктория: Мир Книги Путейл; Москва; 2011
ISBN 978-5-501-00021-6

Аннотация

Джайлз Литтон Стрэчи (1880–1932) – английский биограф, литературовед, эссеист. Его первое эссе появилось в новом «Индепендент ревью» в 1903 г. В течение последующих пятнадцати лет Стрэчи написал множество биографических и критических очерков и в другие журналы, а свою первую книгу «Вехи французской литературы» опубликовал в 1912 г. Сборник биографий «Выдающиеся викторианцы» (1918) освободил Стрэчи от многолетних финансовых забот и сделал его имя известным. В дальнейшем он выпустил еще несколько биографических книг, имевших шумный успех. Произведения Стрэчи отличает блестящий стиль и, пожалуй, самое удачное в английской литературе использование юмора при жизнеописании исторических лиц.

Роман, представленный в данном томе, повествует о жизненном пути легендарной королевы Виктории (1819–1901), владевшей британской короной более шестидесяти лет. Полное ярких политических, любовных и бытовых сюжетов повествование знакомит читателей со многими выдающимися событиями и людьми европейской истории XIX в.

Содержание

Глава первая. Предшествующие события	6
Глава вторая. Детство	26
Глава третья. Лорд Мельбурн	63
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Л. Стрэчи

Королева Виктория

© ЗАО «Мир Книги Ритейл», 2011

© ООО «РИЦ Литература», 2011

*** * ***

Глава первая.

Предшествующие события

I

6 ноября 1817 года умерла принцесса Шарлотта, единственная дочь принца-регента и наследница английской короны. Едва ли ее жизнь была счастливой. Импульсивная, капризная и страстная по натуре, она всегда стремилась к свободе, но так ее и не обрела. Детство ее прошло на фоне бурных семейных сцен. Еще в раннем возрасте ее отлучили от пользующейся дурной репутацией эксцентричной матери и передали на попечение пользующегося не менее дурной репутацией самовлюбленного отца. Когда ей исполнилось семнадцать, отец решил выдать ее замуж за принца Оранского; она было согласилась, но внезапно влюбилась в принца Августа Прусского и решила разорвать помолвку. Это была уже не первая ее влюбленность, до этого принцесса тайно переписывалась с капитаном Гессом. Принц Август к тому времени состоял в морганатическом браке, но она об этом не знала, а он не спешил рассказывать. В то время как она пыталась разорвать отношения с принцем Оранским – это был июнь 1814 года, – в Лондоне, дабы отпраздновать общую по-

беду, собрались монархи союзных держав. Среди них, в свите русского императора, был молодой и симпатичный принц Леопольд Саксен-Кобургский. Несколько раз он пытался завоевать благосклонность принцессы, но та витала в облаках и не обращала на него особого внимания. Месяц спустя, внезапно узнав о тайных свиданиях дочери с принцем Августом, на сцене внезапно возникает принц-регент и, распустив всю ее свиту, заключает принцессу в Виндзорском замке. «О Боже, дай мне терпение!» – воскликнула она, рухнув в волнении на колени; но потом вскочила, выбежала черным ходом на улицу, поймала проходящий кеб и уехала в Бейсвотер к матери. Ее выследили, захватили, и в конце концов, поддавшись на уговоры дядей, герцогов Йоркского и Суссекского, Бромгамского и епископа Солсберийского, в два часа утра она вернулась в Карлтон-Хаус. Принцессу заточили в Виндзоре, и о принце Оранском не было больше никаких известий. Принц Август тоже исчез. Путь для принца Леопольда Саксен-Кобургского оказался свободен.

Принц этот был достаточно умен и постоянно увивался около регента, старался произвести впечатление на министров и сдружился с другим дядей принцессы, герцогом Кентским. Воспользовавшись покровительством герцога, он начал встречаться с принцессой, которая заявила, что нашла в нем свое счастье. Когда после Ватерлоо он оказался в Париже, адъютант герцога постоянно доставлял письма через Ла-Манш. В январе 1816 года принца пригласили в Англию,

а в мае состоялось бракосочетание.

Характер принца Леопольда до странности не совпадал с характером его жены. Младший сын немецкого князя двадцати шести лет от роду успел проявить себя в войне с Наполеоном, показал выдающиеся дипломатические способности на Венском конгрессе, а теперь попробовал себя на поприще укрощения строптивой принцессы. Холодный и сдержанный в манерах, собранный в речи, осторожный в действиях, он очень скоро совладал с этим диким, пылким, но благородным созданием. Со многим в ее характере он так и не смог смириться. Она любила насмешки, топала ногами, истерически хохотала; в ней было очень мало самообладания, столь необходимого истинным принцессам; манеры ее были просто ужасны. Вращаясь, как он сам объяснит своей племяннице много лет спустя, в высшем европейском обществе и будучи фактически, как говорят французы, *de la fleur des pois*¹, он мог судить о манерах, как никто другой. Ссорились они постоянно, и каждая сцена заканчивалась совершенно одинаково. Стоя перед ним, будто нашкодивший мальчишка в юбке, наклонившись вперед, сложив руки за спиной, с пылающими щеками и сверкающими глазами, она наконец заявляла, что поступит так, как ему угодно. «Если вы хотите, я сделаю», – говорила она. «Лично мне ничего не надо, – неизменно отвечал он. – Если я вас к чему-то принуждаю, то

¹ Цветок гороха (*фр.*). Здесь это словосочетание имеет иносказательный смысл: «человек утонченного аристократического воспитания».

лишь в ваших же интересах и во благо вам».

Обосновалась королевская чета в Клермонте, близ Эшера. Среди членов свиты был молодой немецкий врач Кристиан Фридрих Стокмар. Он был сыном младшего кобургского судьи; приняв участие в войне в качестве военного врача, он вернулся в родной город и занялся врачебной практикой. Здесь и повстречал принца Леопольда, который был потрясен его способностями. Женившись, принц привез его с собой в Англию в качестве личного врача. Странная судьба ожидала этого юношу; будущее заготовило для него много сюрпризов – много и разных: влияние, власть, загадочность, несчастливость и разбитое сердце. В Клермонте его положение было весьма скромным, но принцесса его обожала, называла «Стоки» и носилась с ним по коридорам. Хотя и тщедушный по сложению и меланхолический по темпераменту, временами он проявлял жизнерадостность и слыл в Кобурге остряком. Будучи также и добродетельным, он преданно служил королевскому двору. «Мой хозяин, – писал он в своем дневнике, – самый лучший из мужей на всех пяти континентах; и жена дала ему столько любви, что величину ее можно сравнить разве что с национальным долгом Англии». Вскоре он продемонстрировал еще одно замечательное качество – качество, которое придало его осторожной проницательности совершенно новую окраску. Когда весной 1817 года стало известно, что принцесса ждет ребенка и Стокмару предложили пост ее личного врача, ему хватило мудрости отка-

заться. Он понимал, что такое назначение вызовет зависть коллег, к советам его вряд ли будут прислушиваться, но, случись что-нибудь, наверняка обвинят во всем иностранного доктора. Однако очень скоро он пришел к выводу, что изнурительная диета и кровопускания, которыми пользовали несчастную принцессу, были ошибкой; он отвел принца в сторонку и попросил передать его мнение английским докторам, но это не помогло. Модное изнурительное лечение продолжалось несколько месяцев. 5 ноября в девять часов вечера, после более чем пятидесяти часов схваток принцесса разрешилась мертвым мальчиком. В полночь силы окончательно покинули ее. Когда Стокмара наконец к ней допустили, он вошел и обнаружил ее при смерти, в то время как доктора потчевали ее вином. Принцесса схватила его за руку и сжала ее. «Они меня напоили», – сказала она. Вскоре он оставил ее и, уже проходя по следующей комнате, услышал громкий крик: «Стоки! Стоки!» Когда он прибежал назад, из горла принцессы вырывались лишь предсмертные хрипы. Она забилась в конвульсиях, затем внезапно вытянулась, и все было кончено.

Принц после многочасового бдения покинул комнату, чтобы передохнуть, и теперь Стокмар вынужден был сообщить ему о смерти жены. Сначала он никак не мог понять, что произошло. По пути в ее комнату он упал в кресло, и Стокмар опустился перед ним на колени: это был сон; такое просто невозможно. Наконец у смертного одра он тоже стал

на колени и поцеловал остывшие руки. Затем, поднявшись, воскликнул: «Теперь я совершенно один. Обещай никогда не покидать меня!» – и бросился в объятия Стокмара.

II

Клермонтская трагедия повлекла за собой весьма тяжелые последствия. Королевский калейдоскоп внезапно перевернулся, и никто не знал, какой узор сложится на этот раз. Наследование трона, которое, казалось, столь удачно устроилось, стало теперь совершенно неопределенным.

Георг III – старый лунатик – все еще жил в Виндзоре, полностью отрешившись от внешнего мира. Младший из сыновей его давно перевалил за средний возраст, и ни у кого из них не было законных наследников. В общем, ситуация была весьма неясной. Казалось невероятным, что принц-регент, нелепая толстая развалина, который совсем недавно, потеряв дочь, был вынужден сдать свои позиции, сможет когда-нибудь, даже если разведется и женится вновь, стать отцом будущего монарха. Не считая герцога Кентского, о котором следует упомянуть отдельно, остальными братьями, в порядке старшинства, были герцоги Йоркский, Кларентийский, Кумберлендский, Суссекский и Кембриджский; их положение и перспективы требуют краткого описания.

Герцог Йоркский, бывшие похождения которого с миссис Кларк и армейские приключения доставили ему мас-

су неприятностей, сейчас делил свою жизнь между Лондоном и большим, экстравагантно оформленным и чрезвычайно неудобным загородным домом, где он занимался скачками, играл в вист и постоянно ввязывался в какие-то неприглядные истории. Он выделялся среди остальных принцев лишь одним: был единственным из них – по крайней мере, так заявил один весьма компетентный очевидец, – кто обладал манерами джентльмена. Он был долго женат на королевской принцессе Пруссии – леди, которая редко укладывалась в постель и постоянно находилась в окружении неимоверного количества собак, попугаев и обезьян. Детей у них не было. Герцог Кларентийский много лет прожил в полной неизвестности в Буши-парке с актрисой миссис Джордан. У них было много сыновей и дочерей, и фактически они жили как семейная пара. Но внезапно он уходит от нее и предлагает руку и сердце мисс Уайкхем, безумной женщине с огромным состоянием, которая, впрочем, ничем ему не ответила. Вскоре после этого миссис Джордан умирает в Париже, едва ли не в нищете. Герцог Кумберлендский был, пожалуй, самым непопулярным человеком в Англии. Уродливой наружности, с поврежденным глазом, он отличался дурным характером, был мстителен в частной жизни, чрезвычайно реакционен в политике и впоследствии подозревался в убийстве собственного слуги и в амурных интригах чрезвычайно скандального характера. Позже он женился на прусской принцессе, но к описываемому времени детей у них еще не

появилось. Герцог Суссекский немного увлекался литературой и собирал книги. Он женился на леди Августе Мюррей, от которой имел двух детей, однако их брак, согласно Акту о королевских браках, был признан недействительным. После смерти леди Августы он женился на леди Сесилии Баггин; она сменила имя на Андервуд, но и этот брак признали недействительным. О герцоге Кембриджском, младшем из братьев, вообще мало что известно. Жил он в Ганновере, носил белый парик, был весьма болтлив и беспокоен и женат не был.

Помимо семи сыновей Георг III имел и пять дочерей. Две из них – королева Вюртемберга и герцогиня Глочестерская – были замужем, но детей не имели. Трем незамужним принцессам – Августе, Элизабет и Софии – было уже за сорок.

III

Четвертым сыном Георга III был Эдвард, герцог Кентский. Ему было уже пятьдесят; высокий, крепкий, здоровый, с кустистыми бровями и лысой головой, он тщательно красил остатки своих волос в иссиня-черный цвет. Костюм его был всегда тщательно подогнан, и всем своим видом он демонстрировал твердость, которая вполне соответствовала его характеру. Молодость он провел в армии – на Гибралтаре, в Канаде, в Вест-Индии, и под влиянием военной муштры он

в конце концов становится сторонником строжайшей дисциплины. В 1802 году, будучи посланным на Гибралтар для восстановления порядка в мятежном гарнизоне, был отозван за чрезмерную жестокость, и на том его активная карьера закончилась. С тех пор он жил, тщательно управляя домашним хозяйством и стараясь привести в порядок свое финансовое положение: несмотря на то что был он, как сказал один из хорошо знакомых с ним людей, *regie comme du papier a musique*² и имел ежегодный доход в 24 000 фунтов стерлингов, он безнадежно погряз в долгах. Герцог постоянно ссорился с братьями и особенно с принцем-регентом, так что было вполне естественным, что он присоединился к политической оппозиции и оказывал поддержку партии вигов.

Его истинные политические убеждения до сих пор вызывают споры. Часто утверждается, что он был либералом или даже радикалом, а если верить Роберту Оуэну, то и вовсе убежденным социалистом. Его взаимоотношения с Оуэном – проницательным, доверчивым, возвышенным, упрямым, прославленным и нелепым отцом социализма и кооперации – были удивительными и своеобразными. Он рассказывал о посещении мельницы в Нью-Ланарке (и это действительно было так), где он председательствовал на одном из митингов, проводимых Оуэном. Он состоял с Оуэном в частной переписке и даже (как утверждает тот) явился после смерти из «сферы духов», дабы обнадежить последова-

² Правильный, как ноты (*фр.*).

телей Оуэна на земле. «И особенно, – говорил Оуэн, – я хотел бы отметить искреннее стремление духа его королевского величества, почившего герцога Кентского (недавно рассказавшего мне, что в спиритических сферах, где он в данный момент пребывает, отсутствуют какие бы то ни было титулы), поддержать не класс, не секту, не партию или какую-нибудь конкретную страну, но всю человеческую расу, показав ей ее будущее». «Общение с его духом было воистину прекрасным, – добавил Оуэн, – он сам назначал время сеансов, и ни разу его дух ни на мгновение не опоздал к назначенному часу». По темпераменту Оуэн был сангвиником. К своим последователям он причислял также и президента Джефферсона, и принца Меттерниха, и Наполеона; так что приверженность герцога Кентского его идеям до сих пор вызывает некоторые сомнения. Одно лишь несомненно: его королевское величество не раз занимал у Роберта Оуэна различные суммы денег, в общей сложности до нескольких сотен фунтов, которые так никогда и не вернул.

После смерти принцессы Шарлотты важность брака герцога Кентского стала более чем очевидна. С точки зрения нации отсутствие наследника правящей фамилии делало такой шаг просто необходимым. К тому же это было на руку и самому герцогу. Брак во исполнение долга, во имя продолжения королевской династии наверняка снискал бы признание благодарной державы. Вступив в брак, герцог Йоркский получил ежегодное содержание 25 000 фунтов стерлингов. По-

чему бы и герцогу Кентскому не рассчитывать на аналогичную сумму? Но ситуация была не столь проста. Нужно было считаться и с герцогом Кларентийским. Он-то был старшим братом и, если бы женился, имел бы, несомненно, больше прав. С другой стороны, если бы женился герцог Кентский, ему пришлось бы пойти на серьезные жертвы: ведь здесь была замешана леди.

Через месяц после смерти племянницы, тщательно взвесив все обстоятельства, герцог наносит визит в Брюссель, где узнает о присутствии в городе мистера Криви. Мистер Криви близко дружил с предводителями вигов и слыл неисправимым сплетником, и герцог понял, что лучшего способа донести свои взгляды на ситуацию до политических кругов Англии ему не найти. Он явно не учел коварства мистера Криви, и ему не пришло в голову, что тот может вести дневник. В результате герцог пригласил его под каким-то малозначительным предлогом и долго с ним беседовал.

Коснувшись в беседе смерти принцессы, невероятности развода регента, бездетности герцога Йоркского и возможности брака герцога Кларентийского, герцог перешел к собственным обстоятельствам. «Если герцог Кларентийский не женится, – сказал он, – следующим наследным принцем буду я, и хотя я убежден, что должен быть постоянно готов откликнуться на любой призыв родины, лишь Богу известно, на какие жертвы мне придется пойти, если долг обяжет меня вступить в брак. Вот уже двадцать семь лет, как мы живем

с мадам Лорент. Мы с ней одного возраста и прошли через тернии совместной жизни, так что можете представить, мистер Криви, как больно мне будет с нею расстаться. Представьте себя на моем месте – если бы вам пришлось расстаться с миссис Криви... Что же касается мадам Лорент, я просто не представляю, что с ней станет, если мне придется вступить в брак; она и так уже чрезвычайно расстроена этими разговорами». Затем герцог рассказал, как однажды утром, через день или два после смерти принцессы, в «Морнинг кроникл» появилась заметка, намекающая на возможность его брака. Он получил газету во время завтрака вместе с письмами и «поступил как обычно – бросил газету через стол мадам Лорент, а сам начал вскрывать и читать письма. Но не успел я начать, как был отвлечен чрезвычайным шумом и всхлипываниями мадам Лорент. На какое-то время я даже испугался за ее жизнь; и когда наконец она пришла в себя и я поинтересовался причиной этого приступа, она показала мне статью в “Морнинг кроникл”».

Затем герцог вернулся к обсуждению сложившейся ситуации. «Мой брат герцог Кларентийский – старший из нас и, безусловно, если захочет, имеет право на брак, и я не собираюсь ни в малейшей степени этому препятствовать. Если он желает стать королем, жениться и завести детей, бедняга, да поможет ему Бог! Пусть делает все, что хочет. Что же касается меня – я человек без амбиций и хотел бы остаться тем, кто есть... Пасха, вы же знаете, будет в этом году

очень рано – 22 марта. Если герцог Кларентийский не предпримет к тому времени никаких шагов, я должен буду под каким-либо предлогом покинуть мадам Лорент для краткого визита в Англию. А оказавшись там, я без труда проконсультируюсь со своими друзьями, что мне делать дальше. Ведь если герцог Кларентийский не предпримет к тому времени никаких попыток вступить в брак, то мой долг, несомненно, самому предпринять некоторые шаги в этом направлении». В связи с этим, сказал герцог, упоминаются два имени – принцессы Баденской и принцессы Саксен-Кобургской. Причем последняя, считал он, предпочтительней, поскольку принц Леопольд пользуется популярностью в народе. Однако прежде чем предпринимать какие-либо шаги, он собирается позаботиться о судьбе мадам Лорент. «Она из очень хорошей семьи, – воскликнул он, – и никогда не была актрисой. Я первый и единственный, кто жил с нею. Ее бескорыстие можно сравнить лишь с ее преданностью.

Когда мы сошлись, я назначил ей всего 100 фунтов в год. Потом эта сумма выросла до 400 фунтов и, наконец, до 1000, но когда долги вынудили меня пожертвовать большей частью дохода, мадам Лорент настояла на снижении ее содержания до 400 фунтов в год. Если мадам Лорент придется вернуться и жить среди своих друзей, ее независимость должна быть достаточной, чтобы вызвать их уважение. Я не настаиваю на многом, но некоторое количество слуг и экипажей просто необходимо». Что же касается собственного положения,

то герцог выразил надежду, что брак герцога Йоркского будет рассматриваться как прецедент. «Это, – сказал он, – был брак ради наследника, и ему было назначено содержание 25 000 фунтов стерлингов вдобавок ко всем его прочим доходам. Я согласен на те же условия и даже не потребую учесть разницу в ценности денег 1792 года и нынешних. Что же касается выплаты моих долгов, – сказал в заключение герцог, – я не считаю их столь уж большими. Напротив, я считаю, что нация в долгу передо мной». Тут ударили часы, как бы напомнив герцогу о назначенной встрече. Он поднялся, и мистер Криви вышел.

Ну кто бы оставил такой разговор в секрете? Уж конечно, не мистер Криви. Он поспешил рассказать обо всем герцогу Веллингтонскому. Тот был немало удивлен и написал подробный отчет о разговоре лорду Сефтону, который получил письмо «весьма своевременно», в момент, когда хирург прослушивал его мочевой пузырь, дабы удостовериться в наличии камня. «Видели бы вы его удивление, – написал лорд Сефтон в ответ, – когда, закончив операцию, он обнаружил, что я хохочу. Воистину ничто так не развлекает, как королевское остроумие Эдварда. Не знаешь даже, чем восхищаться в первую очередь – деликатностью его чувств к мадам Лорент, изысканностью отношения к герцогу Кларентийскому или его собственным бескорыстием в денежных вопросах».

Так уж получилось, что жениться решили оба брата. Герцог Кентский предпочел принцессу Саксен-Кобургскую

принцессе Баденской и сочетался с ней браком 29 мая 1818 года. 11 июня герцог Кларентийский подхватил эстафету с дочерью герцога Саксен-Мейнингенского. Но их финансовые ожидания не оправдались. Хотя правительство и выступило с предложением увеличить расходы на их содержание, а также на содержание герцога Кумберлендского, палата общин отвергла эти предложения. Впрочем, герцога Веллингтонского это не удивило. «Ей-богу! – воскликнул он. – Об этом можно говорить очень долго. Они – самая большая обуза на шее правительства, которую только можно вообразить. Они оскорбили – *лично* оскорбили – две трети английских джентльменов, так стоит ли удивляться, что те отомстили им через палату общин? Это была их единственная возможность, и я считаю – ей-богу! – они имели полное право ею воспользоваться». Впрочем, со временем парламент повысил ежегодное содержание герцога Кентского на 6000 фунтов стерлингов. Дальнейшая же судьба мадам Лорент нам неизвестна.

IV

Новая герцогиня Кентская, Виктория Мария Луиза, была дочерью Френсиса, герцога Саксен-Кобург-Салфилдского, и сестрой принца Леопольда. Это был старинный род, ведущий свое происхождение от великого дома Веттина, который с одиннадцатого века правил на границах Мейсена на

Эльбе. В пятнадцатом столетии дом был поделен между ветвями Альбертина и Эрнестина: от первой произошли принцы и короли Саксонии; вторая же, правящая в Тюрингии, разделилась, в свою очередь, еще на пять ветвей, к одной из которых и относилось Саксен-Кобургское герцогство. Герцогство это было весьма небольшим, с населением около 60 000 человек, но гордилось своей независимостью и суверенными правами. В годы Наполеоновских войн славившийся экстравагантностью герцог открыл свой дом для беженцев, которые, спасаясь от французского наступления, двигались на восток через Германию. Среди беженцев оказался принц Лейнингенский, старый повеса, чьи владения на Мозеле были захвачены французами, но которому в компенсацию была пожалована территория Аморбах в Нижней Франконии. В 1803 году он женился на принцессе Виктории, которой было в ту пору 17 лет. Три года спустя герцог Френсис разорился и умер. Борона наполеоновской армии прошла по Саксен-Кобургу. Герцогство захватили французы, и семья герцога скатилась до нищеты и даже голодала. В это же самое время небольшая территория Аморбах была опустошена французскими, русскими и австрийскими армиями, маршировавшими по ней вдоль и поперек. В течение многих лет вы едва встретили бы здесь хоть одну живую корову. Не было даже травы, чтобы прокормить стаю гусей. Таково было ужасное положение семьи, которой всего лишь через поколение предстояло занять главенствующие позиции в полови-

не правящих домов Европы. Наполеоновская борона воистину справилась с задачей, зерно было посеяно, и урожай наверняка удивил бы Наполеона. Принц Леопольд, брошенный на собственное попечение с пятнадцати лет, самостоятельно сделал карьеру и женился на наследнице английского престола. Принцесса Лейнингенская, сражающаяся в Аморбахе с нищетой, армейскими поборами и беспомощным мужем, обрела независимый характер и целеустремленность, которыегодились ей в совершенно иных обстоятельствах. В 1814 году муж умирает, оставляя ей двух детей и регентство. После женитьбы брата на принцессе Шарлотте ей было предложено выйти за герцога Кентского, но она отказалась под предлогом загруженности воспитанием детей и управлением герцогством. Однако со смертью принцессы Шарлотты обстоятельства переменились, и когда герцог Кентский снова обратился к ней с предложением, она его приняла. Ей было тридцать два; небольшого роста, крепкая, кареглазая, с темными волосами и розовыми щеками, приветливая и разговорчивая, она с царственным изяществом носила шуршащий шелк и яркий вельвет.

Она была определенно счастлива своим положением, поскольку всю свою жизнь была обречена брать на себя слишком много обязанностей. Ее второе замужество с его туманными перспективами на первый взгляд принесло ей только новые трудности и неудобства. Герцог, заявив, что еще слишком беден, чтобы жить в Англии, неутомимо разъезжал

по Бельгии и Германии, принимая парады и инспектируя казармы, нарядившись в аккуратную военную фуражку, в то время как английские аристократы недоуменно взирали на происходящее, а герцог Веллингтонский прозвал его Капралом. «Черт возьми! – воскликнул он как-то в разговоре с мистером Криви. – Вы знаете, как его называют собственные сестры? Они зовут его Джозефом Сёрфейсом!»³ В Баланс, где должен был состояться смотр и большой обед, герцогиня прибыла в сопровождении старой и безобразной фрейлины, и герцог Веллингтонский оказался в затруднительном положении. «Кому же, черт возьми, выходить с фрейлиной? – постоянно спрашивал он и наконец пришел к решению. – Будь я проклят, Фриментл, разыщите мэра и пусть он сам это делает». Мэр Баланса был специально вызван, и, как известно со слов мистера Криви, «выглядел весьма представительно». А несколькими днями позже в Брюсселе и сам мистер Криви оказался жертвой обстоятельств. Предстояло инспектировать военную школу – до завтрака. Компания собралась; все оказалось в высшей степени удовлетворительным; но герцог Кентский так долго осматривал каждую мелочь и задавал дотошные вопросы, что мистер Криви наконец не выдержал и прошептал соседу, что он страшно голоден. Герцог Веллингтонский услышал его и аж просиял. «На-

³ *Джозеф Сёрфейс* – ставшее нарицательным имя известного персонажа комедии Ричарда Дринсли Шеридана «Школа злословия». Употребляется по отношению к человеку, свирепому дома и кроткому за его пределами. (*Примеч. пер.*)

стоятельно рекомендую, — сказал он, — выходя утром с королевской фамилией и особенно с *Капралом*, всегда предварительно завтракать». Сам он и его свита, как выяснилось, приняли эту предосторожность, и, в то время как поток королевского любопытства продолжал изливаться, герцог развлекался тем, что время от времени указывал на мистера Криви и заявлял: «Voila le monsieur qui n'a pas dejeuner!»⁴

Когда герцог наконец осел в Аморбахе, годы уже давали себя знать. Усадьба была небольшой, страна бедствовала; даже путешествия ему наскучили. Набожный герцог, однако, не был свободен от некоторых суеверий и постоянно задумывался над пророчеством цыганки с Гибралтара, которая предсказала, что его ждет много потерь и неприятностей, но умрет он счастливым, а его единственная дочь будет великой королевой. Вскоре стало ясно, что ожидается появление ребенка, и будущий отец решает, что родиться он должен в Англии. Денег на дорогу не было, но герцог заявил: чего бы это ни стоило, его ребенок будет англичанином. Наняли карету, и герцог сам уселся на облучок. Внутри расположились герцогиня и ее четырнадцатилетняя дочь Феодора со служанками, няньками, комнатными собачками и канарейками. Так они и ехали через Германию, через Францию: плохие дороги, дешевые гостиницы не смущали сурового путника и его спокойную беременную жену. Ла-Манш был пересечен, и они без приключений добрались до Лондона. Власти выделили

⁴ Вот господин, пропустивший завтрак! (*фр.*).

им апартаменты в Кенсингтонском дворце, и здесь 24 мая 1819 года на свет появилась девочка.

Глава вторая. Детство

I

Ребенку, появившемуся на свет в подобных обстоятельствах, едва ли уделялось много внимания. Будущая судьба его не сулила каких-либо перспектив. За два месяца до этого герцогиня Кларентийская родила дочь. Впрочем, младенец вскорости умер, но было вполне вероятным, что герцогиня снова станет матерью, и так оно и случилось. Герцогиня Кентская была молода, да и герцог был крепок, посему не исключалось скорое появление брата, который перехватил бы слабые надежды на наследство у маленькой принцессы.

Тем не менее у герцога имелось на этот счет особое мнение: ведь было же пророчество... В любом случае он собирался окрестить девочку Элизабет – именем, приносящим счастье. Это, однако, он решил, не посоветовавшись с регентом, который, стремясь насолить брату, внезапно объявил, что лично явится на крестины, и одновременно сообщил: одним из тринадцати крестных отцов будет российский император Александр I. Когда церемония уже началась и архиепископ Кентерберийский спросил, каким именем крестить ребенка, регент ответил: «Александрinou». Тут вмешался

герцог и заявил, что допускается добавить еще одно имя. «Ну конечно, – ответил регент, – Георгина?» – «Или Элизабет?» – сказал герцог. Возникла пауза, во время которой архиепископ с младенцем на руках тревожно переводил взгляд с одного принца на другого. «Ну хорошо, – сказал наконец регент, – назовите ее в честь матери. Но Александрина должна стоять впереди». Так, к неудовольствию отца, младенца окрестили Александриной Викторией.

У герцога были и другие поводы для недовольства. Содержание, назначенное ему палатой общин, ни в коей мере не решило его финансовых проблем. Члены палаты опасались, что нация не признает его заслуг. Долги продолжали расти. Долгие годы он жил на 7000 фунтов стерлингов в год, но теперь расходы удвоились. Сокращать их дальше было просто некуда; теперь уже не было ни единого слуги в пожалованных ему апартаментах, который хоть на мгновение остался бы без дела. Герцог излил свою печаль в длинном письме к Роберту Оуэну, чьи симпатии имели положительное свойство приносить практическую пользу. «Могу откровенно заявить, – писал он, – что, рассмотрев предмет со всех возможных сторон, я пришел к выводу, что если я собираюсь и дальше жить в Англии, даже так скромно, как сейчас, *без роскоши и без представлений*, то менее чем удвоение этих семи тысяч фунтов мне не поможет, и уменьшать тут уже некуда». Совершенно ясно, что он вынужден продать свой дом за 51 300 фунтов, а если этого сделать не удастся, ему придется пе-

реехать на континент. «Если моя служба полезна отечеству, то *те, кто обладает властью*, обязаны подтвердить обоснованность понесенных мною затрат и тех лишений, которые я испытал во время исполнения своего профессионального долга в колониях. Если же это недостижимо, *то я сочту это явным доказательством непризнания моих заслуг*, и в этом случае я не вижу препятствий в *должное* время вернуться за границу, как только мы с герцогиней выполним свои обязанности по установлению *английского* происхождения моего ребенка и вскармливанию его на земле старой Англии, и если позволит Провидение, то и дальнейшему увеличению нашей семьи».

Тем временем он решил провести зиму в Сидмуте, «поскольку в эти месяцы года, столь неприятные в Лондоне, – сказал он Оуэну, – герцогине будут полезны теплые морские ванны, а ребенку – морской воздух Девонширского побережья». В декабре состоялся переезд. С наступлением Нового года герцог вспомнил еще одно пророчество. Гадалка предсказала ему, что в 1820 году умрут два члена королевской семьи. Кто же это будет? Он долго рассматривал все варианты: король, совершенно ясно, долго не протянет, да и герцогиня Йоркская смертельно больна. Вероятно, это будут король и герцогиня Йоркская; или, может быть, король и герцог Йоркский; или король и регент. Сам-то он был одним из самых здоровых людей Англии. «Мои братья, – заявил он, – не так сильны, как я. Я веду размеренную жизнь и всех их пере-

живу. Корона достанется мне и моим детям». Потом он вышел на прогулку и промочил ноги, а вернувшись домой, поленился сменить чулки. В результате простудился, началось воспаление легких, и 22 января он уже умирал. По странному стечению обстоятельств в доме присутствовал молодой доктор Стокмар, двумя годами ранее стоявший у смертного одра принцессы Шарлотты, а теперь наблюдающий агонию герцога Кентского. По совету Стокмара второпях было составлено завещание. Все земное состояние герцога было скорее со знаком минус, но важно было, чтобы опекунство над неразумным пока ребенком, чья судьба теперь столь странным образом изменилась, было вверено герцогине. Герцогу едва хватило сил понять документ и подписать его. Спросив, достаточно ли четко получилась подпись, он потерял сознание и на следующее утро испустил дух. Шестью днями позже сбылась вторая половина цыганского пророчества: долгая, несчастная и бесславная жизнь Георга Третьего, короля Англии, прервалась.

II

Дела в Сидмуте оказались столь запутанными, что герцогиня не смогла изыскать средств для возвращения в Лондон. На помощь поспешил принц Леопольд и лично, медленными и горькими этапами, сопровождал сестру со всей ее семьей в Кенсингтон. Одетой во все черное овдовевшей леди

потребовалась вся ее воля, чтобы это выдержать. Теперь ее перспективы стали еще туманнее, чем прежде. Она имела собственный ежегодный доход в 6000 фунтов стерлингов, но долги мужа возвышались перед нею подобно горе. Вскоре она узнала, что герцогиня Кларентийская снова ждет ребенка. На что еще она могла надеяться в Англии? Зачем ей надо было оставаться в чужой стране, среди незнакомцев, на языке которых она не говорила и чьих традиций не понимала? Конечно, лучше было вернуться в Аморбах и здесь, среди своих, вдали от суеты воспитывать дочь. Но она была неисправимой оптимисткой. Всю жизнь она провела в борьбе и теперь не собиралась сдаваться, к тому же она просто обожала свою малышку. «C'est mon bonheur, mes delices, mon existence»⁵, – заявила она; крошка должна быть воспитана как английская принцесса во что бы то ни стало. Принц Леопольд выступил с благородным предложением повысить содержание до 3000 фунтов стерлингов в год, и герцогиня осталась в Кенсингтоне.

Девочка была чрезвычайно упитанной и поразительно походила на своего дедушку. «C'est l'image du feu Roi!»⁶ – восклицала герцогиня. «C'est le Roi Georges en jupon»⁷, – вторили окружающие леди, когда маленькое создание с трудом ковыляло от одной из них к другой.

⁵ Это мое счастье, моя радость, моя жизнь (*фр.*)..

⁶ Ну просто вылитый покойный король! (*фр.*)..

⁷ Король Георг в юбках (*фр.*)..

Прошло не так уж много времени, и мир начал проявлять легкий интерес к происходящему в Кенсингтоне. Когда в 1821 году вторая дочь герцогини Кларентийской, принцесса Элизабет, умерла, не прожив и трех месяцев, интерес еще более возрос. Казалось, вокруг королевской колыбели незримо пришли в движение могучие силы и неистовые противоречия. Это было время враждующих фракций и злости, жестоких репрессий и глубокого недовольства. Мощное движение, долго сдерживаемое неблагоприятными обстоятельствами, распространилось теперь по всей стране. Повсюду бурлили новые страсти и новые желания; точнее, старые страсти и старые желания расцвели с новой силой: любовь к свободе, ненависть к несправедливости, надежда на будущее. Правители все еще гордо восседали на тронах, одаривая своей древней тиранией; но во тьме рождалась буря, и уже были видны отблески первых молний. Но даже величайшие силы приводятся в движение слабыми человеческими существами; и в течение многих лет казалось, что все великие идеалы английского либерализма зависят от жизни маленькой девочки в Кенсингтоне. Она одна стояла между страной и своим ужасным дядей, герцогом Кумберлендским, отвратительным воплощением реакции. Неизбежно герцогиня Кентская примкнула к партии своего мужа. Вокруг нее стали собираться предводители вигов и агитаторы радикалов. Она была близка с самоуверенным лордом Дурхемом и была на дружеской ноге с самим О'Коннелом. Она приняла у

себя Уильберфорса, правда, во избежание кривотолков не предложила ему присесть. Она публично заявила, что верит в «освобождение народа». Не вызывало сомнений, что молодая принцесса будет воспитываться соответствующим образом, однако позади трона затаился, выжидая, коварный герцог Кумберлендский. Брухем, заглядывая в будущее с присущим ему цинизмом, предвидел самые отвратительные последствия. «Никогда я так не молился за принцессу, как сейчас, – написал он, узнав о болезни Георга IV. – Если он уйдет, то вместе с ним уйдут и все неприятности этих негодяев (министров от партии тори), и в обмен на его жизнь они получают своего собственного Фреда I (герцога Йоркского). Впрочем, он (Фред I) тоже долго не протянет; у этого принца Блекгардского, «Брата Уильяма», нелады со здоровьем, так что мы естественным образом будем *захвачены* королем Эрнстом I или регентом Эрнстом (герцогом Кумберлендским)». Такие мысли были вполне естественны для Брухема; в условиях всеобщего возбуждения они постоянно всплывали на поверхность, и уже за год до ее вступления на престол радикальные газеты были полны предположений, что против принцессы Виктории строит козни ее ужасный дядя.

Однако эхо этих конфликтов и дурных предсказаний не достигало маленькой Дрины – так ее называли в кругу семьи, – и она продолжала играть с куклами, носилась по коридорам или каталась на ослике, подаренном ей йоркским дядей, по аллеям Кенсингтонского сада. И няньки, и фрейли-

ны, и сестра Феодора просто обожали светловолосую голубоглазую девочку, и в течение нескольких лет ей ничто не угрожало, несмотря на утверждения матери, что ее портят чрезмерной заботой. Временами она могла страшно рассердиться, топала ножкой и не считалась ни с кем; несмотря ни на какие уговоры, она не будет учить буквы – нет, *не будет*; потом она раскаивалась, плакала, но буквы так и оставались невыученными. Когда ей исполнилось пять, на сцене появилась фрейлейн Лейзен, и наступили перемены. Этой леди, дочери ганноверского священника и бывшей гувернантке принцессы Феодоры, очень скоро удалось изменить характер своей подопечной. Вначале, впрочем, она была напугана вспышками ярости маленькой принцессы; ни разу в жизни, по ее словам, она не встречала столь капризного и непослушного ребенка. Но потом она заметила другое: девочка была чрезвычайно правдивой; какие бы наказания ей ни грозили, она никогда не лгала. Будучи весьма строгой, новая гувернантка, однако, понимала: никакие наказания не помогут, если ей не удастся завоевать сердце маленькой Дрины. И когда это удалось, все трудности остались позади. Дрина с удовольствием выучила алфавит и многое другое. Баронесса де Спат научила ее делать картонные коробочки и украшать их мишурой и нарисованными цветами, мать учила ее богословию. Каждое воскресное утро девочку можно было видеть сидящей на церковной скамье и с неподдельным вниманием слушающей бесконечную проповедь священника, ибо днем ей предсто-

яло пересказать услышанное. Герцогиня была уверена, что ее дочь с малых лет должна самым достойным образом готовиться к своему будущему высокому положению. Ее немецкий рационализм не выдерживал откровенной беззаботности, царившей в Карлтон-Хаусе. Дрина ни на миг не должна забывать о таких добродетелях, как простота, размеренность, пристойность и преданность. Впрочем, маленькая девочка не так уж и нуждалась в этих уроках, поскольку от природы была простой и собранной, была набожной и обладала острым чувством благопристойности. Она прекрасно осознавала тонкие особенности своего положения. Когда в Кенсингтонский дворец была привезена своей бабушкой шестилетняя леди Джейн Эллис, ей разрешили играть с принцессой Викторией, которая сама была того же возраста. Юная посетительница, незнакомая с этикетом, принялась раскладывать игрушки по полу и делала это слишком фамильярно. «Оставь их, – тут же сказала принцесса, – они мои; и я могу называть тебя Джейн, но ты не должна звать меня Викторией». Чаше принцесса играла с Викторией, дочерью сэра Джона Конроя, мажордома герцогини. Девочки просто обожали друг друга и часто гуляли в Кенсингтонском саду, взявшись за руки. Но маленькая Дрина прекрасно понимала, кого из них сопровождает, держась на почтительном расстоянии, громадный лакей в алой ливрее.

Добросердечная и чуткая, она любила свою дорогую Лейзен, и свою дорогую Феодору, и свою дорогую Виктору, и

свою дорожную мадам де Спат. И свою дорожную мамочку, конечно, она тоже любила, это было ее обязанностью; и все же — она не могла объяснить почему — счастливее всего она чувствовала себя с дядей Леопольдом в Клермонте. Там старая миссис Луиза, которая много лет назад присматривала за ее кузиной Шарлоттой, баловала ее от всего сердца; да и сам дядя был к ней до удивления добр, разговаривая с ней вежливо и серьезно, как со взрослой. Они с Феодорой неизменно рыдали, когда краткосрочный визит заканчивался и им приходилось возвращаться к заполненной скучными обязанностями и навязчивыми воспитателями кенсингтонской жизни. Но иногда, если дела задерживали мать дома, ей позволялось выехать на прогулку с ее дорогой Феодорой и ее дорогой Лейзен, и тогда она могла говорить все, что хочется, смотреть куда хочется, и ей это очень нравилось.

Визиты в Клермонт были достаточно частыми, но один из них, нанесенный по особому случаю, запомнился надолго. Когда ей было семь, король пригласил ее с матерью в Виндзор. Георг IV, обрушивший весь свой скверный характер на невестку и ее семью, наконец устал от гнева и решил сменить его на снисходительную милость. Старая развалина, подагрик в парике, громадный и помпезно одетый, со стоящей рядом в многочисленных украшениях фавориткой и окруженный свитой, изволил принять крохотное создание, которому предстояло однажды появиться в этих же залах, но уже совершенно в ином статусе. «Подай мне свою маленькую лап-

ку», — сказал он, и два поколения соприкоснулись. На следующее утро, проезжая в фаэтоне с герцогиней Глочестерской, он встретил в парке герцогиню Кентскую с ребенком. «Посадите ее сюда», — приказал он, что, к ужасу матери и восторгу дочери, было тут же исполнено. И они помчались к Вирджинскому пруду, где плавала громадная баржа, с которой удили рыбу лорды и леди, и еще одна баржа с оркестром. Король, нежно взглянув на Феодору, похвалил ее манеры и затем обратился к своей собственной маленькой племяннице: «Какая у тебя любимая песня? Сейчас оркестр ее сыграет». — «Боже, храни короля», — последовал мгновенный ответ. Эти слова часто приводят как пример врожденной тактичности, которой принцесса славилась впоследствии. Однако она была чрезвычайно правдивым ребенком и, вероятно, действительно любила эту песню.

III

Герцог Йоркский, нашедший некоторое утешение после смерти жены в симпатиях герцогини Рутлендской, умер в 1827 году, оставив после себя недостроенную громаду Стаффордского дома и 200 000 фунтов долгов. Тремя годами позже ушел и Георг IV и правление перешло к герцогу Кларентийскому. Новая королева, теперь это было очевидно, ни при каких обстоятельствах уже не могла стать матерью, поэтому парламент признал принцессу Викторию предполагаемой

наследницей короны, и герцогине Кентской, годовое содержание которой было удвоено пять лет назад, выделили дополнительно 10 000 фунтов на содержание принцессы. Кроме того, ее назначили регентшей на случай смерти короля до совершеннолетия ее дочери. В это же время начались великие потрясения государственной системы. Власть тори, господствовавших в Англии более сорока лет, внезапно начала ослабевать. В развернувшейся вслед за этим неистовой борьбе какое-то время даже казалось, что могут быть разрушены вековые традиции, что слепое упорство реакционеров и решительная ярость их противников не кончатся не чем иным, как революцией. Но в конце концов удалось прийти к компромиссу: был принят закон о реформе. Центр тяжести конституции сместился в сторону средних классов, к власти пришли виги, и состав правительства приобрел либеральный оттенок. В результате этих перемен изменилось и положение герцогини с дочерью. Имея покровительство оппозиционной группы, они пользовались поддержкой официального большинства нации. С этого времени принцесса Виктория считалась живым символом победы средних классов.

Герцог Кумберлендский, напротив, утратил былую популярность: закон о реформе сузил его права. Он стал почти безвредным, хотя и оставался по-прежнему безобразным. Ужасный дядя – теперь уже человек из прошлого.

Собственный либерализм герцогини не был слишком глубоким. Она непринужденно двинулась по стопам мужа, с

убеждением повторяя слова, сказанные умными друзьями и своим мудрым братом Леопольдом. Сама она не претендовала на мудрость. Она очень многого не понимала в законе о бедных, и в работоторговле, и в политической экономии, но надеялась, что исполняет свой долг, и надеялась – вполне искренне, – что то же можно будет сказать и о Виктории. В вопросах образования она опиралась на концепции доктора Арнольда, чьи взгляды только начали проникать в общество. Первой и основной целью доктора Арнольда было сделать своих учеников «в высочайшем и истинном смысле этого слова христианскими джентльменами», затем следовало интеллектуальное совершенствование. Герцогиня была убеждена, что основная цель ее жизни – вырастить из дочери истинную христианскую королеву. На достижение этой цели она и направила всю свою энергию и по мере развития дочери с удовольствием замечала, что усилия не были потрачены впустую. Когда принцессе исполнилось одиннадцать, герцогиня пожелала, чтобы епископы Лондонский и Линкольнский проэкзаменовали ее и доложили о достигнутых ею успехах. «Я чувствую, что пришло время, – объясняла герцогиня в письме, явно написанном ее собственной рукой, – проверить все, что сделано, и если обнаружится, что что-то сделано по ошибочному суждению, то это можно было бы исправить. Затем следует обсудить и при необходимости пересмотреть планы будущего образования... Я почти всегда лично наблюдаю за каждым уроком, и, если фрейлина

принцессы оказывается знающей, она помогает ей готовить уроки для разных учителей, и я намерена действовать в такой манере, как будто я сама ее гувернантка. По достижении соответствующего возраста она начала вместе со мной регулярно посещать церковную службу, и я совершенно убеждена в ее искренней религиозности и что религия производит на нее столь глубокое моральное воздействие, что она значительно меньше подвержена ошибкам и может быть охарактеризована как способный к рассуждениям ребенок». «Основная черта ее характера, – добавила герцогиня, – это сила интеллекта, способного с легкостью воспринимать информацию и с необычайной готовностью приходить к весьма точному и справедливому решению по любому заданному ей вопросу. Ее приверженность правде столь замечательна, что, я чувствую, этот бастион не падет ни при каких обстоятельствах». Епископы прибыли во дворец, и результаты экзамена оправдали все ожидания. «Отвечая на великое множество предложенных ей вопросов, – доложили они, – принцесса показала точное знание наиболее важных частей Священного Писания и основных истин и доктрин христианской религии в согласии с учением английской церкви, а также знакомство с хронологией и основными событиями английской истории, превосходное для столь юной особы. На вопросы по географии, использованию глобуса, арифметике и латинской грамматике ответы принцессы были столь же удовлетворительными». Они сочли, что составленный герцогиней план

обучения не требует каких-либо улучшений, и архиепископ Кентерберийский, участвовавший в обсуждении, пришел к такому же удовлетворительному заключению.

Однако предстояло сделать еще один важный шаг. До сих пор, как объяснила герцогиня епископам, принцесса находилась в неведении относительно ее предполагаемого государственного положения. «Она знает, что монарх должен жить для других, и знакома с его обязанностями, так что, когда ее невинный разум осознает ожидающую ее судьбу, она примет ее с полным осознанием возлагаемой на нее ответственности, и следует надеяться, что прочность ее принципов не будет поколеблена высотой ее будущего положения». Было решено, что в следующем году принцесса будет просвещена по этому вопросу. Затем последовала хорошо известная сцена: урок истории, заранее вложенное в книгу гувернанткой генеалогическое древо королей Англии, удивление принцессы, ее расспросы и, наконец, осознание ею фактов. Когда девочка наконец все поняла, она помолчала немного и затем сказала: «Я буду хорошей». Эти слова представляли собой нечто большее, чем обычное заявление, нечто большее, чем выражение навязанного желания; они, с их краткостью и эмоциональностью, их эгоизмом и скромностью, были естественным итогом главенствующих принципов жизни. «Я много плакала, узнав об этом», – призналась ее величество много лет спустя. Несомненно, в присутствии других, даже ее дорогой Лейзен, девочка себя сдерживала, а потом забивалась

в какой-нибудь уголок, подальше от материнских глаз, и облегчала непривычно волнующееся сердце, прикрывшись носовым платком. Но избежать материнских глаз было не так уж просто. Ни утром, ни вечером, ни днем, ни ночью нельзя было укрыться от материнского взора. Ребенок вырос в девочку, девочка – в девушку, но по-прежнему она спала в материнской спальне и по-прежнему у нее не было места, где она могла бы побыть или поработать в одиночестве. За каждым ее шагом неусыпно наблюдали: до самой коронации она никогда не спускалась с лестницы, чтобы при этом кто-нибудь не держал ее за руку. В доме царили простота и порядок. Часы, дни и годы протекали с медленной размеренностью. Куклы – бесчисленные куклы, каждая безукоризненно одета и имя каждой пунктуально занесено в каталог, – ушли и уступили место музыке и танцам. Пришел Таглиони, дабы придать ее фигуре грацию и осанку, и Лабраче, дабы развить ее высокое сопрано на примере собственного глубокого баса. Официально назначенный преподавателем декан Честерский продолжал свои бесконечные уроки Священного Писания, тогда как герцогиня Нортумберлендская, официальная гувернантка, с важностью присутствовала на каждом уроке. Несомненно, особых успехов в свои школьные годы принцесса добилась в языкознании. В первую очередь она, естественно, изучила немецкий, но вскоре последовали английский и французский, так что фактически она свободно владела всеми тремя, хотя познания в английской грамматике

остались несколько неполными. В это же время она освоила разговорный итальянский и бегло ознакомилась с латынью. Тем не менее читала она сравнительно мало. Это занятие ей не нравилось, отчасти, вероятно, потому, что предлагаемые ей книги были либо очень скучными проповедями, либо стихами, которые она не вполне понимала. Романы были под строгим запретом. Лорд Дурхем уговорил мать дать ей что-нибудь из рассказов мисс Мартинью, иллюстрирующих истины политической экономии, и они пришлись ей по душе; но вызывало опасения, что удовольствие ей доставил сам рассказ, а в действительности она так и не поняла теорию товарно-денежных отношений или природу ренты. Ей не повезло только в том, что в годы отрочества она была окружена чисто женским обществом. Не было ни отца, ни братьев, которые могли бы нарушить мягкую монотонность ежедневной размеренности – импульсивностью, некой даже грубостью, беззаботным смехом и воздухом свободы внешнего мира. Никогда принцессу не звали громким раскатистым басом; никогда она не ощущала своей нежной щекой прикосновения грубой щетины; никогда не взбиралась на стены с мальчиком. Визиты в Клермонт – эти маленькие счастливые погружения в мужское общество – прекратились, когда ей было одиннадцать и принц Леопольд покинул Англию, дабы стать королем Бельгии. Она все еще любила его. Он все еще был «моим вторым отцом или даже первым, ведь он действительно мне как отец, которого у меня не было». Но теперь

его отеческая любовь ощущалась слабее и через холодный поток писем. В конце концов женские обязанности, женская элегантность, увлеченность, тонкость полностью поглотили ее, и ее плотно закутанной души едва ли достигали юмор и фантазия – эти два великих источника, без которых не может обойтись истинная жизнь. Настоящим центром мира принцессы была баронесса Лейзен – Георг IV перед смертью пожаловал ей этот титул ганноверского дворянства. После замужества Феодоры и отъезда дяди Леопольда в Бельгию баронесса осталась вне конкуренции. Принцесса отдавала матери должное уважение, но сердце ее принадлежало Лейзен. Разговорчивая и сообразительная дочь ганноверского пастора, отдав всю привязанность своей царственной воспитаннице, получила в награду бесконечное доверие и страстное обожание. Девочка готова была броситься в огонь за своей «драгоценной Лейзен». Она заявила, что «лучшего и преданнейшего друга» у нее не было с самого рождения. На каждой странице дневника, который принцесса начала вести в тринадцать лет и куда она ежедневно заносила все свои успехи и радости, можно найти следы баронессы и ее всепроникающего влияния. Юное создание, взирающее на нас со страниц дневника, самораскрывающееся с искренней чистотой, откровенностью, простотой, чуткостью и религиозной решимостью, само вполне могло быть дочерью немецкого пастора. Предметы радости, обожания и восхищения она неизменно выделяла подчеркиванием и восклицательными знаками.

«Прогулка была очаровательна. Почти все время ехали рысью. Милая маленькая Роза держалась великолепно. Домой вернулись в четверть первого... Без двадцати семь мы выехали в оперу... Вышел Рубини и спел арию из “Анны Булены” просто великолепно. Домой вернулись в полдвенадцатого». В ее комментариях прочитанного явственно чувствуется влияние баронессы. Как-то раз по ошибке ей позволили взять томик воспоминаний Фанни Кембл. «Весьма грубая и странная книга. Судя по стилю, писательница очень груба и не слишком хорошо воспитана, поскольку в книге так много вульгарностей. Очень жаль, что женщина, наделенная таким талантом, как миссис Батлер, не обратила на это внимания и опубликовала книгу, в которой так много ерунды и бессмыслицы, что это может только повредить ее репутации. Я не ложилась до двадцати минут десятого». Письма мадам де Севин, которые баронесса читала вслух, пришлись ей больше по вкусу: «Сколько в ее стиле подлинной элегантности и естественности! Сколько в ней наивности, ума и очарования». Но наивысшее восхищение она приберегла для книги епископа Честерского «Исследование Евангелия от св. Матфея». «Это очень хорошая книга. Как раз, как я люблю. Очень простая и понятная и полна правды и доброты. Она совершенно не похожа на эти заумные книги, в которых спотыкаешься на каждом абзаце. Лейзен дала ее мне в воскресенье во время причастия». За несколько недель до этого состоялась ее конфирмация, и вот как она описала это собы-

тие: «Я чувствовала, что конфирмация – это одно из самых торжественных и важных событий моей жизни, и, я уверена, она окажет просветляющее воздействие на мой разум. Я глубоко раскаялась во всем дурном, что когда-либо совершала, и поверила, что Господь Всемогуший укрепит мое сердце и разум и я оставлю позади все плохое и последую лишь достойному и правильному. Я поняла, что непременно должна стать истинной христианкой и должна утешать мою дорогую маму во всех ее печалях, испытаниях и заботах и быть прилежной и любящей дочерью. Также я должна слушаться *дорогую* Лейзен, которая столько для меня сделала. Я была одета в белое кружевное платье и белый креповый капор с венком белых роз. Я приехала в кабриолете с мамой, а остальные ехали за нами в другой карете». Читая дневник, кажется, что держишь в руке маленький и гладкий кусочек хрусталя, без единого помутнения, блесок и столь прозрачный, что виден он насквозь.

И все же для проницательного взгляда чистота не может быть абсолютной. Дотошный исследователь способен и в нетронутой почве отыскать первые слабые признаки неожиданной жилы. В том монастырском существовании, которое они вели, визиты были будоражащими событиями, а, поскольку у герцогини было немало родственников, случались они не так уж редко. Дядюшки и тетушки часто заезжали из Германии, да и кузены тоже. Когда принцессе было четырнадцать, она обрадовалась приезду двух мальчиков из Вюртемберга,

принцам Александру и Эрнсту, сыновьям сестры ее матери и правящего герцога. «Оба они *чрезвычайно высоки*, – писала она, – Александр *очень симпатичен*, а у Эрнста *очень доброе лицо*. Они оба *чрезвычайно дружелюбны*». Их отъезд наполнил ее сердце сожалением. «Мы видели, как они садятся в баржу, и потом некоторое время наблюдали с берега, как они уплывают. Они были так дружелюбны, и так приятно было их принимать. Они *всегда были довольны, всегда в хорошем настроении*. Александр всегда заботился обо мне, когда мы катались на лодке, и всегда ехал рядом, когда мы ездили верхом; да и Эрнст тоже». Спустя два года приехали другие два кузена, принцы Фердинанд и Августус. «Дорогой Фердинанд, – писала принцесса, – вызывал всеобщее восхищение в любой компании... Он такой непосредственный, всегда держится с достоинством. Они оба такие милые и очаровательные. Августус тоже очень дружелюбен и к тому же весьма неглуп». Она так и не смогла решить, кто же из них симпатичнее. Но вскоре после этого приехали еще два кузена, которые тут же затмили всех остальных. Это были принцы Эрнест и Альберт, сыновья старшего брата ее матери, герцога Саксен-Кобургского. На этот раз она описывает принцев с большими подробностями. «Эрнест, – отмечала она, – так же высок, как и Фердинанд с Августусом; у него темные волосы и красивые темные глаза и брови, но рот и нос не слишком хороши. Лицо у него доброе, честное и интеллигентное, и фигура очень хороша. Альберт того же ро-

ста, что и Эрнест, но крепче и очень красив. Цвет волос у него – почти как у меня, большие голубые глаза, прекрасный нос и очень милый рот с великолепными зубами, но очарование его лица – в его выражении, которое просто восхитительно; *c'est a la fois*⁸ полно доброты и симпатии и очень умно и интеллигентно». «Оба кузена, – добавила она, – добры и хороши и значительно опытнее Августуса. Они прекрасно говорят по-английски, и с ними я тоже говорю на этом языке. 21 июня Эрнесту исполнится 18 лет, а Альберту 26 августа будет 17. Дорогой дядя Эрнест подарил мне очаровательно-го лори. Он такой смирный, что его можно держать на руках и даже положить палец ему в клюв или вообще делать с ним что хочешь, и он даже не кусается. Он больше мамино-го серого попугая». Чуть далее: «Я села между моими дорогими кузенами на софу, и мы рассматривали рисунки. Оба они прекрасно рисуют, особенно Альберт, и оба жить не могут без музыки. Они вообще любят все время чем-то заниматься, я думаю, любой может брать с них пример». Когда после трехнедельного пребывания пришло время юношам и их отцам возвращаться в Германию, расставание получилось печальным. «Это был наш последний *счастливейший* завтрак с моим дорогим дядей и моими *самыми* любимыми кузенами, которых я так *сильно* люблю. Они *самые лучшие* кузены *в мире*. Как бы я ни любила Фердинанда и Августуса, Эрнеста и Альберта я люблю *больше, о, значительно больше...*

⁸ Оно одновременно (*фр.*).

Они оба очень образованны и очень умны, умны от природы, особенно Альберт, который наиболее ярок, и они очень любят обсуждать серьезные и поучительные вещи и при этом остаются очень, очень веселыми, радостными и счастливыми, как и подобает юношам. Альберт всегда любит пошутить и очень остроумно отвечает за завтраком и вообще всегда. Он любит играть с Дешем и гладить его, так забавно... Милый Альберт играл на рояле, когда я спустилась. В 11 дорогой дядя, мои *обожжаемые* кузены и Чарльз покинули нас в сопровождении графа Колората. Я с великой теплотой обняла моих милых кузенов и моего дорогого дядю. Я плакала очень горько, очень горько». Обоим принцам достались ее восторг и курсивы; но совершенно очевидно, кому она отдавала тайное предпочтение. «Особенно Альберт!» Ей было всего семнадцать, и на нее оказали неизгладимое впечатление очарование, доброта и совершенство этого юноши, его большие голубые глаза, прекрасный нос и милый рот с великолепными зубами.

IV

Король Уильям терпеть не мог свою невестку, и герцогиня отвечала ему тем же. Без достаточного такта и терпимости их взаимное положение просто не могло не породить неприязнь, но герцогиня никогда не отличалась тактичностью, а уж в характере его величества терпимости не было и в по-

мине. Вспыльчивый скандальный старик, с размашистыми жестами, выпученными вращающимися глазами и головой, подобной ананасу, – внезапное восхождение на трон в пятидесятишестилетнем возрасте почти свело его с ума. Его необузданная природная энергичность полностью возоблудала над остальными качествами. Он постоянно совершал какие-то нелепые поступки в самой экстравагантной манере, сея вокруг себя удивление и ужас и ни на секунду не замолкая. Его язык был определенно ганноверским, с его повторениями и словечками-паразитами. «Это совсем не то! Это совсем не то!» – так и гремело, заглушая все вокруг. Его речи, произносимые в самые неподходящие моменты и заполненные смесью тех фантазий и недовольств, которым случилось в этот момент ударить ему в голову, вызывали у министров оцепенение. Люди говорили, что он на четверть негодяй и на три четверти фигляр, но те, кто знал его лучше, не могли его не любить – при правильном подходе он был достаточно разумен и по-настоящему добродушен и чистосердечен. Но, подойдя к нему не с той стороны, вы наталкивались на ураган, что и испытала на себе герцогиня Кентская.

Она не представляла, как с ним обращаться, – никак не могла его понять. Озабоченная своим собственным положением, своими обязанностями, ответственностью за свою дочь, она не желала уделять внимания едкой подозрительности вздорного старика с сомнительной репутацией. Она была матерью наследницы английского престола; он должен при-

знать этот факт, поднять ее на должную высоту и поставить выше вдовствующей принцессы Уэльской, увеличив ежегодное содержание из своего кошелька. Ей не приходило в голову, что такие претензии могут раздражать короля, не имеющего собственного законного наследника и еще не полностью оставившего надежду на его появление. Она упорно продолжала действовать в выбранном направлении. Ее личным советником был сэр Джон Конрой, самовлюбленный ирландец со странными суждениями. Он рекомендовал отправить Викторию попутешествовать по Англии, и с этой целью было организовано несколько поездок в западную часть, центральную и в Уэльс, которые проводились летом в течение нескольких лет. Задумка была отличная, но исполнение оказалось неудачным. Разрекламированные прессой путешествия привлекли толпы энтузиастов, а сопровождающие их официальные приемы придали им дух королевской церемонии. Преданные горожане вручали адреса, растроганная герцогиня, необъятная от украшающих ее перьев и почти закрывающая собой маленькую принцессу, громко читала с немецким акцентом трогательные ответы, заготовленные сэром Джоном, который в своей странности и энергичности, казалось, объединил обязанности мажордома и премьер-министра. Естественно, король аж потемнел, читая виндзорскую газету. «Эта женщина невыносима!» – воскликнул он. Бедная королева Аделаида, хоть и обескураженная, но не потерявшая дружелюбия, пыталась сгладить конфликт. Она

уходила от неприятной темы, писала Виктории очень добрые письма, но все было напрасно. Поступили сведения, что герцогиня Кентская, приплыв в Солент, настояла на том, чтобы прибытие ее яхты встречалось королевским салютом всеми военными во всех фортах. Король заявил, что это представление пора остановить. Он провел совещание с премьером и первым лордом адмиралтейства, после чего они послали герцогине частное письмо, в котором просили ее удержаться от такого явного выражения своих прав. Но она к этому не прислушалась; сэр Джон Конрой был непреклонен. «Как *личный советник* ее королевского величества, — заявил он, — я не могу рекомендовать ей такое поведение». Впоследствии король, в состоянии сильного возбуждения, выпустил специальный приказ, запрещающий встречать королевским салютом любые корабли, за исключением тех, на борту которых находится правящий монарх или его свита.

Пока король Уильям пререкался со своими министрами-вигами, ситуация еще более усугублялась, ибо теперь герцогиня ко всем своим прочим недостаткам становилась еще и политическим союзником его противников. В 1836 году он попытался подготовить почву для обручения принцессы Виктории с одним из сыновей принца Оранского и одновременно попытался всеми средствами помешать визиту молодых кобургских принцев в Кенсингтон. Обе попытки закончились неудачей. Единственным результатом его усилий был гнев короля Бельгии, который, оставив на мгновение ко-

ролевскую сдержанность, написал по этому поводу возмущенное письмо своей племяннице. «Я крайне *удивлен*, – писал он, – поведением вашего старого дядюшки короля. Это приглашение принца Оранского с сыновьями, эти попытки принуждения весьма странны... Не далее как вчера я получил полуофициальное послание из Англии, намекающее, что было бы *крайне* желательно, чтобы *ваши* родственники в этом году *удержались от визита* – qu'en dites-vous?⁹ Значит, родственники королевы и короля до бог знает какого колена могут ходить стаями и править страной, тогда как *вашим родственникам* запрещено здесь даже появляться, и это притом, что, как вам известно, все ваши родственники всегда были очень обязательны и добры к королю. Воистину я никогда не видел и не слышал ничего подобного и надеюсь, это *несколько поднимет ваш дух*. Теперь, когда даже в британских колониях искоренили рабство, я не понимаю, *почему только вы и ваши родственники должны находиться в Англии на положении белых рабов*, ведь двор вас даже не купил, по крайней мере, мне не известно о каких-либо затратах или о том, чтобы король *потратил хотя бы шестипенсовик на ваше содержание*... О, принципиальность и политическая или другая *честность*, где бы вас отыскать!»

Вскоре после этого король Леопольд лично прибыл в Англию и был принят столь же холодно в Виндзоре, сколь тепло в Кенсингтоне. «Слушать рассуждения дорогого дяди, –

⁹ Что вы на это скажете? (фр.).

писала принцесса в дневнике, — все равно что читать поучительную книгу. Его слова очень умны и понятны. По всеобщему признанию, он один из лучших современных политиков. О политике он говорит вежливо и в то же время твердо и беспристрастно». Однако другой дядя ни в коей мере не разделял ее восхищения. Он не мог, как он сказал, выносить этого водохлёба; ведь король Леопольд совершенно не пил вина. «Что это вы пьете, сэр?» — спросил он как-то за обедом. «Воду, сэр». — «Черт возьми, сэр! — последовал ответ. — Почему вы не пьете вина? Никому и никогда не позволяется пить воду за моим столом».

Было совершенно ясно, что вот-вот произойдет большой взрыв. И жаркими августовскими днями это и случилось. Герцогиня и принцесса приехали в Виндзор на бал по случаю дня рождения короля, а сам король, который провел весь день в Лондоне, занимаясь отсрочкой заседания парламента, нанес в их отсутствие визит в Кенсингтонский дворец. Там он обнаружил, что герцогиня только что заняла для себя, вопреки его распоряжениям, апартаменты из семнадцати комнат. Он чрезвычайно рассердился и, вернувшись в Виндзор и тепло поприветствовав принцессу, публично упрекнул герцогиню в содеянном. Но это было ничто в сравнении с тем, что последовало дальше. На следующий день состоялся банкет, на котором присутствовали сотни гостей. Герцогиня Кентская села по правую руку от короля, а принцесса Виктория напротив. В конце обеда в ответ на тост за здоровье

короля он поднялся и в долгой и страстной речи излил чашу своего гнева на герцогиню. Она, заявил король, оскорбляет его грубо и постоянно. Она не допускает к нему принцессу, причем делает это в совершенно недопустимой манере. Она окружила себя злобными советчиками и совершенно не способна действовать в соответствии с требованиями своего положения. Он не может этого больше выносить, и он покажет ей, кто здесь король. Он требует к себе должного уважения. Отныне принцесса должна участвовать во всех без исключения дворцовых мероприятиях. И он надеется, что Господь продлит его жизнь еще на шесть месяцев, что позволит избежать отвратительного регентства, и корона непосредственно перейдет к предполагаемой наследнице, вместо того чтобы попасть в руки той, «которая сидит рядом» и на чье поведение и способности полагаться не приходится. Казалось, что оскорблениям не будет конца. Лицо королевы приняло пунцовый оттенок, принцесса расплакалась, а сотни гостей сидели в оцепенении. Не произнеся ни слова, герцогиня дождалась конца тирады и ухода гостей. Затем в порыве стыда и ярости она заказала карету и объявила о немедленном возвращении в Кенсингтон. Немалых усилий стоило хоть как-то ее успокоить и уговорить разгневанную леди отложить отъезд хотя бы до утра.

Впрочем, отряхнув с ног виндзорскую пыль, она не избавилась от неприятностей. И в собственном доме ее преследовали горечь и раздражение. Кенсингтонские апартаменты

пропитывали скрытая неприязнь, зависть и враждебность, усугубленные годами тесноты и злобы.

Между сэром Джоном Конроем и баронессой Лейзен существовала давняя непримиримая вражда. Но это было еще не все. Герцогиня слишком привязалась к своему мажордому. Они допускали некоторые фамильярности в отношениях, и однажды принцесса Виктория стала этому свидетелем. Об увиденном она рассказала баронессе и ее любимой подруге мадам де Спат. К несчастью, мадам де Спат не сдержала язык, и ей даже хватило ума упрекнуть герцогиню; после чего она была моментально изгнана. Избавиться же от баронессы было не так просто. Эта осторожная и сдержанная леди отличалась безупречным поведением. Положение ее было непоколебимым. Ей удалось заручиться поддержкой самого короля, и сэр Джон обнаружил, что не в силах ей противодействовать. Но вскоре дом разделился на два враждебных лагеря. Герцогиня всей силой своей власти поддерживала сэра Джона; но и у баронессы был союзник, которым нельзя было пренебрегать. Хотя принцесса Виктория и хранила молчание, она была сильно привязана к мадам де Спат и обожала свою Лейзен. Герцогиня отлично понимала, что в этом отвратительном скандале ее дочь выступает не на ее стороне. Досада, раздражение, укоры совести буквально раздирали ее на части. Она пыталась найти утешение то в дружелюбной болтовне сэра Джона, то в едких замечаниях леди Флоры Хастингс, одной из ее фрейлин, которая недолюб-

ливала баронессу. Баронесса часто становилась предметом насмешек; дочь пастора, несмотря на все ее величие, так и не смогла избавиться от привычек, выдающих ее происхождение. Ее пристрастие к тмину, например, было безудержным. Из Ганновера ей постоянно присылали мешочки тминных семян, которыми она посыпала бутерброды с маслом, капусту и даже жареное мясо. Леди Флора не смогла удержаться от едкого замечания, о чем не преминули доложить баронессе; та в ярости поджала губы, и неприязнь нарастала.

V

Король молил Бога продлить ему жизнь до совершеннолетия племянницы; но за несколько дней до ее восемнадцатилетия – даты официального совершеннолетия – внезапный приступ болезни почти что свел его в могилу. Однако ему удалось выкарабкаться, и принцесса с радостью смогла пройти через все торжественные ритуалы – и бал во дворце, и официальный прием. «Граф Зичи, – писала она в дневнике, – отлично выглядит в мундире, но вот гражданская одежда ему не идет». Она собиралась потанцевать с этим юношей, но возникла непреодолимая трудность. «Он не мог танцевать кадрили, а я в своем положении, к несчастью, не могла танцевать вальс и галоп, так что станцевать с ним мне не пришлось». Подарок короля ей очень понравился, но послужил причиной неприятной домашней сцены. Невзирая на недо-

вольство ее бельгийского дяди, она сохраняла хорошие отношения с дядей английским. Он всегда был к ней очень добр, и, несмотря на его ссоры с матерью, принцесса не испытывала к нему неприязни. Он был, по ее словам, «странным, весьма странным и замечательным», но «его намерения часто неверно истолковывались». Теперь он адресовал ей письмо, в котором предложил 10 000 фунтов стерлингов годового содержания, причем деньги поступали в ее личное распоряжение и мать не могла их контролировать. Лорду Конингхему, главному камергеру, было поручено лично вручить письмо принцессе. Прибыв в Кенсингтон, он был представлен герцогине и принцессе, и когда достал письмо, герцогиня протянула за ним руку. В ответ лорд Конингхем испросил ее высочайшего прощения и изложил волю короля. Герцогиня отступила, и принцесса взяла письмо. Она тут же написала дяде ответ, в котором приняла его великодушный дар. Герцогиня была чрезвычайно недовольна; 4000 фунтов в год было бы для Виктории вполне достаточно, а остальными 6000 фунтов она отлично смогла бы распорядиться и сама.

Вскоре король Уильям забыл о болезнях и вернулся к нормальной жизни. И снова всю королевскую свиту – их величеств, престарелых принцесс и какую-нибудь несчастную жену посла или министра – можно было часами наблюдать за великолепным столом красного дерева, тогда как королева вышивала кист, а король спал, время от времени про-

сыпаясь, дабы воскликнуть: «Именно так, мадам, именно так!» Однако выздоровление было недолгим. Внезапно старик сдал. Хотя и не было каких-либо особых симптомов, кроме сильной слабости, улучшения не наблюдалось, и стало очевидно, что смерть уже не за горами.

Все взгляды и все помыслы обратились к принцессе Виктории; но она, заточенная в Кенсингтоне, по-прежнему оставалась маленькой незаметной фигуркой, скрывавшейся в тени своей властной матери. Впрочем, предшествующий год сыграл огромную роль в ее развитии. Впервые ее все еще детский разум начал робко обращаться к недетским проблемам. И подтолкнул ее к этому король Леопольд. Возвратившись в Брюссель, он возобновил с ней переписку, но в более серьезной манере. Он рассказывал о тонкостях иностранной политики, обсуждал обязанности монарха, разоблачал порочную тупость прессы. На последнюю тему он писал с особой резкостью: «Если собрать воедино всех редакторов всех газет со всех стран, где существует свобода печати, то я *не* доверил бы этой толпе даже любимую собаку, а уж тем более свою честь и репутацию». Его взгляды на монаршие обязанности были совершенно замечательны: «Я считаю, что высочайшее лицо государства должно непременно действовать с величайшей беспристрастностью и справедливостью на всеобщее благо». В это время вкусы принцессы все еще продолжали формироваться. Хотя она по-прежнему обожала верховую езду и танцы, в ней проснулась подлинная лю-

бовь к музыке и она с энтузиазмом упивалась руладами и ариями итальянской оперы. Она даже увлеклась поэзией – по крайней мере, стихами сэра Вальтера Скотта.

Когда король Леопольд понял, что дни короля Уильяма сочтены, он послал племяннице несколько длинных писем с превосходными советами. «В каждом письме, которое я вам пошлю, – говорил он, – я намерен повторить, что *главное правило – оставаться твердой, решительной и честной, какой вы и были до сих пор*».

Приближающийся кризис не должен ее тревожить, нужно лишь верить в свой «здравый разум и *прямоту*» своего характера; никогда не следует принимать поспешных решений; никогда не задевать чужого самолюбия и хранить доверие к администрации вигов. Впрочем, не удовлетворившись одними письмами, король Леопольд решил, что принцессе необходим личный наставник, и послал ей в помощь своего преданного друга, которого двадцать лет назад обнимал у смертного одра в Клермонте. Так снова, как бы в соответствии с каким-то непреодолимым роком, на сцене возникла фигура Стокмара – неизбежного спутника великих событий.

18 июня состояние короля заметно ухудшилось. Рядом постоянно находился архиепископ Кентерберийский, пытается утешить его душу молитвами. Нельзя сказать, что святыя слова не нашли в душе короля благодатную почву; многие годы его величество был глубоко верующим. «В молодости, насколько я помню, – объяснил он как-то на банкете, –

я верил только в удовольствия и развлечения – и ни во что больше. Но однажды в море я попал в шторм и, пораженный величием глубины, уверовал. И с тех пор остаюсь истинным христианином». В этот день была годовщина битвы при Ватерлоо, и умирающий об этом не забыл. Он счастлив, сказал он, что дожил до этого дня и уже никогда не увидит заката. «Я надеюсь, что его величество увидит еще немало закатов», – сказал доктор Чемберс. «О! Это совсем не то, совсем не то», – последовал ответ. Ему довелось пережить еще один закат, и умер он рано поутру на следующий день. Случилось это 20 июня 1837 года.

Когда все кончилось, архиепископ и главный камергер заказали экипаж и во весь опор помчались из Виндзора в Кенсингтон. Во дворец они прибыли к пяти часам и лишь с большим трудом добились аудиенции. В шесть герцогиня разбудила дочь и сообщила, что прибыли архиепископ Кентерберийский и лорд Конингхем и хотят ее видеть. Та поднялась с постели, надела халат и вышла без сопровождения в зал, где ее ожидали посланцы. Лорд Конингхем, преклонив колени, официально объявил о смерти короля; архиепископ добавил некоторые подробности происшедшего. Видя перед собой склонившихся и смущенно лепечущих сановников, она поняла, что стала королевой Англии. «Раз уж Провидению угодно даровать мне такое положение, – записала она в тот день в дневнике, – я сделаю все возможное, чтобы выполнить свой долг перед отечеством; я очень молода

и во многом, хоть и не во всем, неопытна, но я уверена, что очень немногие имеют такую же добрую волю и желание исполнить то, что должно быть исполнено». Однако времени на решения и размышления практически не оставалось. Дела навалились сразу же. К завтраку вышел Стокмар и дал ей хороший совет. Она написала письмо своему дяде Леопольду и краткую записку сестре Феодоре. Тут же пришло письмо от первого министра лорда Мельбурна, предупреждающее о его скором приезде. Он прибыл в девять во всех регалиях и поцеловал ей руку. Она приняла его наедине и повторила урок, несомненно, преподанный ей верным Стокмаром за завтраком: «Я давно решила оставить вашу светлость и остальных министров во главе всех дел»; после чего лорд Мельбурн еще раз поцеловал ей руку и вскоре после этого удалился. Затем она написала письмо королеве Аделаиде, в котором выразила свои соболезнования. В одиннадцать она снова приняла лорда Мельбурна, а в полдвенадцатого спустилась в красный зал, чтобы возглавить свой первый совет. Великое собрание лордов и аристократов, епископов, генералов и государственных министров увидело, как распахнулись двери и очень маленькая и тонкая девушка в строгом траурном одеянии вошла в зал и с необычайным достоинством и грацией направилась к своему креслу. Ее лицо нельзя было назвать прекрасным, но оно было привлекательным – светлые волосы, выразительные голубые глаза, небольшой с горбинкой нос, приоткрытый рот, демонстри-

рующий верхние зубы, маленький подбородок, ясные черты и над всем этим – необычная смесь невинности, притягательности, молодости и самообладания. Они услышали высокий твердый голос, звучащий громко и необычайно четко; и затем, когда церемония закончилась, они увидели, как маленькая фигурка поднялась и с той же неотразимой грацией и тем же удивительным достоинством прошла мимо них и в полном одиночестве покинула зал.

Глава третья. Лорд Мельбурн

I

Новая королева была практически неизвестна своим подданным. Во время ее публичных появлений главенствующее положение неизменно занимала мать. Личная жизнь Виктории скорее походила на жизнь монастырской послушницы: лишь изредка ей доводилось общаться с людьми из внешнего мира, и ни одно человеческое существо, за исключением матери и баронессы Лейзен, никогда не оставалось с нею наедине. Таким образом, не только широкая публика ничего о ней не знала, но и сановники, чиновники и благородные леди находились в равном неведении. Когда же она наконец вышла из этого укрытия, произведенное впечатление было мгновенным и неизгладимым. Ее поведение на первом совете вызвало у собравшихся изумление и восхищение; герцог Веллингтонский, сэр Роберт Пиль, дикарь Крокер и даже холодный и едкий Гревиль – все были поражены. Рассказы о ее последующих деяниях носят все тот же оттенок счастливого предзнаменования. Ее разум был быстрым, решения – мудрыми, высказывания – тактичными; она исполняла королевские обязанности с величайшим мастерством. Это под-

няло в обществе великую волну энтузиазма. В моду тогда входили сентиментальность и романтика; вид проезжающей по столице маленькой девушки-королевы, невинной, скромной, со светлыми волосами и розовыми щеками, наполнял сердца наблюдателей восторженной преданностью. И что в первую очередь всех поражало, так это контраст между королевой Викторией и ее дядями. Отвратительные старики, самовлюбленные и эгоистичные, эксцентричные и странные, с их постоянными долгами, неприятностями и скверной репутацией, – все они растаяли, как зимний снег, и наконец, сверкая и искрясь, пришла весна. Лорд Рассел в своей пространной речи выразил всеобщее настроение. Он надеется, что Виктория окажется Елизаветой без ее тирании, Анной без ее слабости. Он призвал Англию молиться за то, чтобы великая принцесса, только что взошедшая на трон с чистейшими намерениями и праведнейшими желаниями, добилась искоренения рабства, снижения преступности и улучшения образования. Он верил, что ее верноподданные будут черпать силы и преданность из светлых религиозных и моральных принципов и что благодаря этой поддержке правление Виктории будет прославлено будущими поколениями и всеми народами земли.

Впрочем, очень скоро появились признаки того, что будущее не будет столь уж простым и розовым, как рисовалось очарованной публике. Видимо, все-таки было что-то в «великой принцессе», не вполне соответствующее светлому об-

разу благопристойной героини поучительного романа. Чистейшие намерения и праведнейшие желания? Несомненно. Но только ли они? Те, кто давал себе труд приглядеться поближе, замечали, например, нечто угрожающее в любопытном изгибе этого ротика. Когда после первого совета она пересекла приемную и встретила ожидающую ее мать, то спросила: «Так что, мама, я теперь самая настоящая королева?» – «Как видишь, дорогая». – «В таком случае, дорогая мама, я надеюсь, вы исполните мою первую просьбу, с которой я обращаюсь к вам как королева. Позвольте мне побыть час наедине». Целый час она оставалась одна. Затем она появилась снова и отдала знаменательный приказ: ее кровать следует перенести из комнаты матери. Это был злой рок герцогини Кентской. Долгие годы ожидания наконец окончились; настал момент, о котором она мечтала всю жизнь: ее дочь стала королевой Англии; но вместе с тем пришло и ее собственное затмение. Она обнаружила, что абсолютно и безвозвратно утратила всякое влияние, уверенность и власть. Ей, конечно, оказывали все внешние знаки почтения, но это лишь делало внутреннюю суть ее положения еще невыносимее. Формальности дворцового этикета и обязанности дочери не позволяли ей проникнуть к Виктории. Она не могла скрыть досады и гнева. «Il n'y a plus d'avenir pour moi, – воскликнула она в разговоре с мадам де Ливен, – je ne suis plus rien»¹⁰. Восемнадцать лет, сказала она, этот ребенок был единственной це-

¹⁰ У меня больше нет будущего, я теперь никто (*фр.*).

лью ее существования, предметом ее мыслей и надежд, и что теперь? Нет, она безутешна, она потеряла все, она до крайности несчастна. Проплыв бесстрашно и целеустремленно через бушующие шторма жизни, величественный корабль, со все еще надутыми парусами и развевающимися флагами, прибыл наконец в гавань и не нашел ничего – лишь бесплодную пустыню.

Уже в первый месяц правления реалии новой ситуации приобрели зримую форму. Весь королевский двор переехал из Кенсингтона в Букингемский дворец, и здесь, на новом месте, герцогине Кентской выделили апартаменты, совершенно отдельные от королевы. Виктория одобрила эту перемену, но в момент расставания позволила себе некоторую сентиментальность. «Хотя по многим причинам меня и обрадовал переезд в Б. Д., – записала она в дневнике, – я немного сожалею, что придется навсегда расстаться с родным домом, где я родилась и выросла и к которому так привязана!» На какое-то мгновение память воскресила картины прошлого: свадьбу сестры, приятные балы и восхитительные концерты, но были и другие воспоминания. «Да, мне приходилось переживать тягостные и неприятные сцены, это правда, и все же я люблю этот старый добрый дворец».

В то же время она предприняла еще один решительный шаг, сказав, что не желает больше видеть сэра Джона Конроя. Она щедро вознаградила его за прошлые заслуги – ему был пожалован титул баронета и ежегодная пенсия в 3000

фунтов; и он по-прежнему оставался при дворе герцогини, — однако личное общение с королевой внезапно и навсегда закончилось.

II

Было совершенно ясно, что эта смена интерьера — или назовите как хотите — ознаменовала триумф еще одной персоны — баронессы Лейзен. Дочь пастора наблюдала падение своих противников. Поле битвы осталось за ней. Ближе, чем когда-либо, оказалась она к своей хозяйке, своей ученице и своей подруге, и в закоулках дворца ее таинственная фигура была одновременно и невидимой и вездесущей. Когда королевские министры входили в одну дверь, баронесса выходила в другую; но стоило им удалиться, она немедленно возвращалась. Никто не знал — да и никогда не узнает — истинных пределов и подлинной природы ее влияния. Сама она заявляла, что никогда не обсуждала с королевой государственных дел, что занималась лишь вопросами частного характера — личными письмами и обстоятельствами частной жизни. И действительно, в ранней переписке Виктории явно чувствуется ее рука. Дневник писался в детском стиле, а вот письма были не столь просты. В них видна работа ребенка, переделанная — с минимальными исправлениями, несомненно, и все же ощутимо — гувернанткой. А гувернантка была не глупа. Ограниченная и ревнивая провинциалка — возможно;

но она была проницательной и энергичной женщиной, умеющей пользоваться своей необычной интуицией и необычной властью. И отказываться от власти она не собиралась. Несомненно, это правда – внешне она не вмешивалась в государственные дела, однако грань между общественным и личным всегда неуловима, а в жизни правящего монарха – как показали последующие несколько лет – и вовсе воображаема. Учитывая все обстоятельства – особенности характера и особенности времени, вряд ли можно объяснить лишь личными интересами то, что спальня баронессы Лейзен располагалась рядом с королевскими покоями.

Однако влияние баронессы, сколь сильным бы оно ни казалось, было не безграничным. В работу включились и другие силы. Взять хотя бы верного Стокмара, тоже поселившегося во дворце. За двадцать лет, прошедших со смерти принцессы Шарлотты, он приобрел богатый и разносторонний опыт. Неприметный советник разочарованного князька постепенно занял положение европейского масштаба. Он служил хозяину не только всем сердцем, но и осторожностью и мудростью. Именно по совету Стокмара принц Леопольд остался в Англии в те нелегкие годы, которые последовали за смертью его жены, и тем самым обеспечил себе столь необходимую точку опоры в принявшей его стране. Именно благоразумие Стокмара сгладило неприятности, сопровождавшие его восхождение на греческий престол и затем отказ от него. Именно Стокмар убедил принца стать конституцион-

ным монархом Бельгии. И самое главное, именно стокмаровские тактичность, честность и дипломатическое мастерство в ходе долгой серии изнурительных и запутанных переговоров гарантировали Бельгии нейтралитет со стороны великих держав. За свои заслуги он был вознагражден титулом германского барона и безграничным доверием короля Леопольда.

Судьбы короля Леопольда и его советника являют собой яркий пример замечательного различия человеческих амбиций. Желания человека удивительно многообразны, но столь же многообразны и средства, с помощью которых эти желания удовлетворяются: именно это и движет всеми земными делами. Точный разум Леопольда неудержимо стремился к королевскому владычеству. Просто власть его не привлекала, он должен быть именно королем – коронованным правителем. Но и этого было недостаточно; важно было, чтобы его признали, на меньшее он был не согласен. Величие, о котором он мечтал, сопровождалось всеми подобающими регалиями. Быть величеством, породниться с монархами, сочетаться браком с Бурбонами из дипломатических соображений, переписываться с королевой Англии, быть очень твердым и очень пунктуальным, основать династию, замучить скукой посольских жен, достичь самой вершины и вести образцовую жизнь во благо народа – такие цели ставил он перед собой и всех их фактически достиг. Маркиз Реу-а-реу¹¹, как

¹¹ Мало-помалу (*фр.*)..

называл его Георг IV, получил все, что хотел. Но этого никогда бы не произошло, если бы амбиции Стокмара не оказались в точности дополняющими его собственные. Власть, к которой стремился барон, ни в коей мере не была очевидной. Исполнение его самых сокровенных желаний происходило неявно и незаметно – он входил, незамеченный, сквозь потайную дверь в самые сокровенные чертоги власти и, сидя здесь, спокойно дергал едва заметные нити, приводящие в движение колесо истории. Лишь очень немногие люди, занимающие очень высокое положение и чрезвычайно хорошо информированные, знали, что барон Стокмар очень важная персона: этого было достаточно. Удача хозяина тесно переплелась с удачей его слуги. Тайное мастерство барона дало Леопольду превосходное королевство, а Леопольд, в свою очередь, с ходом времени открывал перед бароном все новые и новые потайные двери.

Стокмар поселился во дворце отчасти как эmissар короля Леопольда, но в большей степени – как друг и советчик королевы, которая была еще почти ребенком и, несомненно, сильно нуждалась в совете и дружеской поддержке. Было бы ошибочным полагать, что кто-то из этих двух людей преследовал вульгарные эгоистические цели. Король, безусловно, прекрасно понимал, с какой стороны намазан бутерброд; за всю свою наполненную неожиданностями жизнь он научился тонко разбираться в устройстве мира и готов был использовать эти знания для укрепления своего положения и рас-

ширения влияния. Ведь, в конце концов, чем тверже его позиция и чем шире влияние, тем лучше это для Европы – в этом он был совершенно уверен. И к тому же он был конституционным монархом, а конституционному монарху совершенно не к лицу преследовать низкие или личные цели.

Что же касается Стокмара, бескорыстность, подмеченная Пальмерстоном, была, безусловно, основной чертой его характера. Как правило, все интриганы – оптимисты; но Стокмар, страдавший несварением желудка и мучимый мрачными предчувствиями, был по природе меланхоликом. А в том, что он был интриганом, сомневаться не приходится; и он, недоверчивый и раздражительный, плел интриги во имя добра. Во имя добра! Ради какой такой благородной цели можно плести интриги? К тому же заниматься этим всегда опасно.

С Лейзен, наблюдающей за каждым ее шагом, со Стокмаром в соседней комнате, полным мудрости и искушенным в делах, с письмами дяди Леопольда, постоянно изливающимися на нее поток ободрения, общих рассуждений и ценных советов, Виктория, даже если бы у нее не было иной поддержки, вполне обошлась бы без личного советника. Но иной источник поддержки все же существовал, и все остальные померкли перед новой звездой, которая внезапно взошла на ее горизонте и немедленно затмила все вокруг.

III

Уильяму Лэмбу, виконту Мельбурну, было в то время пятьдесят восемь, и он уже три года занимал пост премьер-министра Англии. С какой стороны ни взглянуть, его можно смело признать одним из самых удачливых людей мира. Родился он среди богатства, роскоши и власти. Его мать, очаровательная и умная женщина, была великой покровительницей вигов, и он воспитывался как член этого замечательного сообщества, которое в последнюю четверть восемнадцатого столетия вобрало в себя сливки сложившейся за многие века аристократии. Природа наделила его красотой и разумом; неожиданная смерть старшего брата принесла богатство, звание пэра и возможность высокой карьеры. В столь замечательном окружении, даже не обладая достаточными способностями, трудно было потерпеть неудачу; а что уж говорить о нем — со всеми его талантами успех был просто неизбежен. Практически без усилий он достиг политических высот. К торжеству вигов, он становится одним из ведущих членов правительства, и когда лорд Грей покинул кресло премьера, он спокойно занял вакансию. Но судьба была ласкова с ним не только в таких явных проявлениях удачи. Рожденный для успеха и легко его достигший, он был одарен столь тонкой натурой, что успех стал от него неотделим. Его разум, сочетающий гибкость с остротою, его темпера-

мент, сочетающий спокойствие с чуткостью, позволяли ему не просто работать, но шагать по жизни легко и грациозно. В обществе он славился как прекрасный собеседник, интересный товарищ и очаровательный человек. Но, заглянув глубже, вы бы сразу увидели, что это необычный человек, что пикантность его речи и манер – доверительная загадочность, внезапные вопросы, праздность, бесчисленные клятвы – являли собой нечто большее, чем просто забавное украшение, и были внешним проявлением очень сильной личности.

Истинная природа этого человека практически не поддается точной оценке: она была сложной и неопределенной, где-то даже противоречивой. Внутренняя его история явно не соответствовала внешнему успеху. Всем, что имел, он был обязан своему рождению, а рождение его было скандальным. Было достаточно широко известно, что мать его безумно любила лорда Эгремонта и что лорд Мельбурн не был его отцом. Его брак, который, казалось, был венцом его юношеского обожания, оказался долгой, печальной и безнадежной неудачей: невероятная леди Каролина, «слишком утонченная, чтобы ей угодить, слишком сильная, чтобы ее выдержать, слишком смышленная, чтобы чему-то научиться, и слишком много думающая, чтобы иметь здравый смысл», почти что разрушила его жизнь. Когда наконец он вырвался из мучительного плена ее глупости, ее экстравагантности, ее ненависти, ее отчаяния и ее привязанности, он остался наедине с бесконечными воспоминаниями о трагедиях, сменя-

ющихся фарсом, и с единственным слабоумным сыном. Но он был обязан леди Каролине и кое-чем еще. Пока, в безумном порыве обожания и следуя моде, она носилась с Байроном, он со снисхождением, замешенным на цинизме, оставался дома и скрашивал свое одиночество чтением. Вот так он и приобрел привычку к занятиям, любовь к образованию и те широкие и точные познания в античной и современной литературе, которые столь неожиданным образом сформировали его интеллект. Страсть к чтению никогда его не покидала. Даже в бытность его премьер-министром он всегда находил время, чтобы прочесть все выходящие важные книги. Со свойственной ему непоследовательностью он сильно увлекался теологией. С прилежанием закоренелого студента он тщательно штудировал труды Отцов Церкви, скрупулезно изучал тяжелые тома комментариев и толкований, и в самый неподходящий момент его можно было застать склонившимся над Библией. Дамам, которые ему нравились, он мог вручить какую-нибудь заумную работу об Апокалипсисе, испещренную заметками, сделанными его собственной рукой, или «Размышления об ошибочной трактовке иудеями раскаяния Марии Магдалины» доктора Ларднера. Наиболее набожные из них надеялись, что эти занятия наставят его на путь истинный, но в его послеобеденных беседах не замечалось ни малейших симптомов движения к праведности.

Его политическая карьера была не менее парадоксальна. Аристократ по темпераменту и консерватор по убеждениям,

он пришел к власти как лидер популярной партии – партии перемен. К закону о реформе он отнесся с глубокой неприязнью и принял его лишь как неизбежное зло, а ведь закон о реформе лежал в основе самого существования и сути его правительства. Он был слишком скептичен, чтобы верить в какой бы то ни было прогресс. Раньше все было лучше или, по крайней мере, не так плохо. «Старайся не делать ничего хорошего, – гласил один из его афоризмов, – и тогда не придется ничего исправлять». Образование вообще бесполезно, а образование бедных даже опасно. Дети на фабриках? «Да имейте же сердце – оставьте их в покое!» Свободное предпринимательство было иллюзией, выборы – вздором, а демократии вообще не существовало.

Тем не менее реакционером он не был. Он был просто оппортунистом. Основной задачей правительства, сказал он, является «предупреждение преступности и соблюдение обязательств». Единственное, о чем реально может мечтать человек и чего реально может достичь, – это продолжать свое дело. Лично он продолжал свое дело в совершенно замечательной манере – с постоянными компромиссами, с отклонениями и разворотами; проявляя то слабость, то проницательность, то мягкость, а порой даже сознательность, он непринужденно и легко правил людьми и событиями. К делам он относился с чрезвычайной небрежностью. Важные персоны, препровожденные к нему для серьезной беседы, вполне могли обнаружить его в постели, среди груды книг и

бумаг или небрежно выбритым в туалетной комнате; но когда аудиенция заканчивалась, они начинали понимать, что тем или иным способом из них вытянули даже то, о чем они не собирались рассказывать. Когда он принимал делегацию, он даже не старался придать этому торжественность. Достойные представители мыловаров или Общества борьбы со смертной казнью бывали смущены и обескуражены, когда в середине речи премьер-министр вдруг с увлечением начал продувать перо или внезапно отпускал неуместную шутку. Ну как они могли поверить, что он всю прошедшую ночь тщательно разбирался в тонкостях их дела? Он ненавидел покровительство и аудиенции, что необычно для министра. «Епископы?! – восклицал он. – Да они готовы умереть, лишь бы сделать мне гадость». Но когда аудиенция наконец началась, он проводил ее с высочайшей проницательностью. Его коллеги подметили и еще один симптом, но так и не решились, признаком чего он является: безответственности или мудрости? Он постоянно засыпал на заседаниях Кабинета.

Родись он чуть раньше, он, вероятно, был бы проще и счастливее. Но он был истинным сыном восемнадцатого столетия, чей жребий был брошен в этот новый, нелегкий и жестокий век. Он был осенней розой. При всей его грациозной вежливости, остроумии и счастливой беззаботности, им владела глубокая озабоченность. Сентиментальный циник, скептический верующий, он был беспокоен и меланхоличен одновременно. Но самое главное, он никогда не был тверд;

его нежные лепестки трепетали от малейшего ветра. И все же кем бы он ни был, одно можно сказать наверняка: лорд Мельбурн всегда оставался человеком в самом высоком смысле этого слова – вероятно, даже в большей степени, чем нужно.

И вот на старости лет его жизнь приняла новый, неожиданный оборот. В одно мгновение он стал личным советником и постоянным спутником молодой девушки, шагнувшей из детской комнаты прямо на трон. Его отношения с женщинами, как, впрочем, и все остальные его дела, всегда отличались двусмысленностью. Никто и никогда не мог точно оценить переменчивые эмоциональные сложности его семейной жизни; леди Каролина исчезла, а его необычная влюбчивость осталась. Он не мог обойтись без женского общества и не старался себя ограничить: большую часть дня он неизменно проводил с женщинами. Благодаря некоторой женственности характера он легко, естественно и неизбежно сдружился с неимоверным количеством дам; но и мужское начало было в нем столь же сильно. В таких обстоятельствах было очень легко, естественно и, возможно, даже неизбежно стать чем-то немного большим, чем просто другом. Вокруг ползли слухи и смятение. Дважды лорд Мельбурн выступал ответчиком в бракоразводном процессе и оба раза выигрывал дело. Очаровательная леди Брендон, несчастная и ослепительная миссис Нортон... суд оправдал их обоих. Все остальное скрывала непроницаемая вуаль. Но, во всяком случае, совершенно ясно, что с такой репутацией положение первого

министра в Букингемском дворце было весьма щекотливым. Тем не менее ему доверялись дела деликатного свойства, и он справлялся с ними с неизменным успехом. С первого же момента его поведение было безупречным. Он относился к молодой королеве со смесью угодливости, предусмотрительности, уважения и трогательной родительской заботой. Он был одновременно и почтительным, и нежным, одновременно и слугой, и наставником. В то же самое время его привычки претерпели удивительные изменения. Удобный свободный распорядок дня сменился четким дворцовым расписанием. Он уже больше не возлежал на диванах, ни единое «черт возьми» не срывалось с его губ. Искушенного в жизненных делах человека, друга Байрона и регента, собеседника, парадоксальные высказывания которого покорили голландский двор, циника, чье сквернословие придало живость стольким попойкам, любовника, чьи вкрадчивые речи покоряли очарованием, страстью и остроумием, – теперь, вечер за вечером, можно было наблюдать вежливо беседующим с ученицей в дворцовой тишине и строгости.

IV

Со своей стороны, Виктория была мгновенно очарована лордом Мельбурном. Несомненно, почву подготовил благоприятный отзыв Стокмара, Лейзен мудро поддержала его, и это первое и в высшей степени благоприятное впечатление

впоследствии доказало свою истинность. Она нашла его совершенным, и таким совершенным он и оставался в ее глазах. Ее полное и нескрываемое обожание было вполне естественным, да и какое юное и невинное создание смогло бы устоять против очарования и преданности такого человека? А в ее положении были некоторые особенности, придавшие необычный блеск всем ее чувствам. После долгих лет пустоты, мрака и подавленности она внезапно оказалась в зените юности, свободы и власти. Она была хозяйкой самой себе, необъятных угодий и дворцов; она была королевой Англии. Несомненно, она столкнулась с ответственностью и трудностями, причем немалыми, но среди прочих чувств преобладало лишь одно – чувство радости. Все ей нравилось. Она пребывала в прекрасном настроении с утра до вечера. Мистер Криви, в то время уже постаревший и одной ногой стоявший в могиле, завидев ее как-то в Брайтоне, был весьма удивлен жизнерадостностью «маленькой Вики». «Когда она раскованна, вы не встретите более домашнего маленького существа, а она явно стремится быть раскованной всегда. Хохочет она от всей души, распахнув рот шире некуда и показывая свои очаровательные десны... Ест она столь же увлеченно, как и хохочет, я бы даже сказал, пожирает... Каждую минуту она краснеет и смеется, причем так естественно, что обезоружит любого». Однако ей доставляли удовольствие не только хохот и еда; исполнение официальных обязанностей тоже приносило ей несказанное удовлетворение.

«У меня так много дел, — писала она в дневнике спустя несколько дней после вступления на престол, — мне приносят груды отчетов от министров, но мне это очень нравится». И снова неделю спустя: «Я повторяю, что уже говорила: мне приносят груды отчетов от министров, и столько же я отправляю им, и каждый день приходится подписывать груды бумаг, что я делаю с превеликим удовольствием. Я восхищена этой работой». Сквозь девичью неопытность стремительно и настойчиво проступали природные вкусы женщины.

Впрочем, одна подробность ее счастливой ситуации заслуживает особого внимания. Она не только занимала высокое социальное и важное политическое положение, но и была очень богата. На первом же заседании парламент утвердил ее годовое содержание в 385 000 фунтов стерлингов. За вычетом расходов на содержание двора, в ее личном распоряжении оставалось 68 000 фунтов в год. Ее доход превышал даже доход герцогства Ланкастер, который составлял более 27 000 фунтов ежегодно. И первое, на что она потратила свои деньги, было весьма показательным: она расплатилась с отцовскими долгами. В денежных делах, как, впрочем, и в остальных, она предпочитала точность. Она обладала инстинктами бизнесмена и никогда не оказывалась в финансово неустойчивом положении.

В счастье и молодости дни мелькали с веселой беззаботностью. И ни один из них не проходил без лорда Мельбурна. Ее дневник раскрывает перед нами жизнь молодого монар-

ха в первые месяцы правления – размеренную, наполненную приятными делами жизнь простых развлечений, большей частью физических: верховая езда, обеды, танцы, – быструю, легкую, незамысловатую жизнь, приятную саму по себе. Все тонет в лучах утреннего солнца, и в розовой дымке возникает окутанная ореолом величественная фигура Лорда М. Если она – героиня этого романа, то герой определенно он. Впрочем, они нечто большее, чем герой и героиня, ибо остальные персонажи вообще отсутствуют. Лейзен, барон, дядя Леопольд мелькают едва заметными тенями в эпизодических ролях этой пьесы. Ее рай населен лишь двумя людьми, и этого вполне достаточно. Их все еще можно видеть вместе, удивительную пару, странным образом соединившуюся на этих бесхитростных страницах, в волшебных лучах взошедшей восемьдесят лет назад зари: высочайших кровей джентльмен с тронутыми сединой волосами и бакенбардами, темными густыми бровями, подвижными губами и большими выразительными глазами; и рядом с ним крошечную королеву – светлую, стройную, элегантную, непоседливую, в ее простом девичьем платье и маленьком палантине, с полуоткрытым ртом, искренне и восхищенно взиравшую на него своими голубыми сияющими глазами. Так они и появляются вместе на каждой странице дневника. Пока Виктория упивается сладкими речами, от всей души хохочет, изо всех сил пытается что-то запомнить – на каждой странице дневника Лорд М. присутствует, Лорд М. говорит, Лорд М. быва-

ет забавным, поучительным, очаровательным и милым одновременно; но стоит ей остаться в одиночестве, как Лорд М. тут же испаряется. В своих долгих беседах они касались самых разнообразных тем. Лорд М. мог обсуждать книги, отпустить пару замечаний по поводу британской конституции, мимоходом порассуждать о человеческой жизни и одну за другой рассказывать истории о великих людях восемнадцатого века. Затем могли принести депешу от лорда Дурхема из Канады, которую Лорд М. тут же прочитывал. Но прежде он всегда давал краткие пояснения. «Он сказал, что мне должно быть известно, что изначально Канада принадлежала Франции и перешла к Англии только в 1760 году, после того как была отвоевана экспедицией Вулфа. “Весьма смелое предприятие”, – сказал он. В те времена Канада полностью принадлежала Франции, а британцы пришли после... Лорд М. объяснил это очень доходчиво (куда лучше, чем я) и рассказал значительно больше. Затем он прочел мне депешу Дурхема, которая оказалась такой длинной, что на чтение ушло более получаса. Лорд М. читал прекрасно своим мягким голосом и так выразительно, что я чрезвычайно увлеклась». Затем разговор мог принять более личный оборот. Лорд М. мог рассказать о своем детстве, и она узнавала о том, что «до 17 лет он носил длинные волосы, как и все мальчики того времени (наверное, он был очень симпатичен!)». Или она могла узнать о его необычных вкусах и привычках – например, что он никогда не носит часы, а ведь это весьма стран-

но. «Я всегда спрашиваю время у слуги, и он отвечает на свое усмотрение, сказал Лорд М.». Или, завидев кружащихся вокруг дерева грачей, «что было к дождю», он говорил, что может сидеть и часами наблюдать их. «Удивленный тем, что мне они не нравятся, Лорд М. сказал: “Грачи – самые очаровательные птицы”».

Повседневные дела и в Лондоне и в Виндзоре не отличались разнообразием. Утро было посвящено делам и Лорду М. В полдень всем двором выезжали на верховую прогулку. Возглавляла кавалькаду королева в своем вельветовом плаще и высокой шляпе с отороченными вуалью полями, а Лорд М. скакал рядом. Скакали обычно быстро и далеко, к величайшему удовольствию ее величества. Когда возвращались во дворец, оставалось еще немного времени на предобеденные развлечения – играли то в бэтлдор и шаткллок¹², а то просто носились по галереям с детьми. Затем обед, и церемония решительно усложнялась. Джентльмены самого высокого ранга усаживались по правую руку от королевы; по левую руку – и вскоре это стало непреложным правилом – садился лорд Мельбурн. После того как леди покидали обеденный зал, джентльменам не дозволялось сильно от них отставать. Ходили слухи, что по поводу столь короткого времени, отпущенного им на питье вина, не раз возникали споры

¹² *Бэтлдор и шаткллок* – игра с воланом и ракеткой, прототип современного бадминтона. (Примеч. пер.)

между королевой и ее премьер-министром¹³, но она оставалась непреклонной, и вскоре послеобеденное пьянство стало выходить из моды. Когда компания снова собиралась в гостиной, этикет был жестким. В течение нескольких минут королева по очереди обращалась к каждому из гостей, и во время этих коротких допросов королевская сухость ощущалась с болезненной очевидностью. Как-то вечером на этой церемонии присутствовал мистер Гревиль, секретарь тайного совета, мужчина средних лет с жестким лицом, и, когда подошла его очередь, молодая хозяйка обратилась к нему: «Вы выезжали сегодня верхом, мистер Гревиль?» – «Нет, мадам, не выезжал», – ответил мистер Гревиль. «Была такая чудная погода», – продолжила королева. «Да, мадам, погода отличная», – сказал мистер Гревиль. «Правда, было немного прохладно», – сказала королева. «Да, действительно прохладно, мадам», – сказал мистер Гревиль. «А ваша сестра, леди Френсис Эгертон, кажется, она выезжала?» – сказала королева. «Да, она иногда выезжает, мадам», – сказал мистер Гревиль. Возникла пауза, после которой мистер Гревиль перехватил инициативу, не рискуя, впрочем, сменить тему. «А ваше величество выезжали сегодня верхом?» – спросил

¹³ Герцог Бедфордский сказал Гревилью, что «она явно о чем-то спорила с Мельбурном». И он уверен, что спор был о послеобеденном распитии вина, поскольку слышал, как она очень сердито сказала, что «это отвратительная традиция». Когда леди покинули комнату (а он присутствовал на обеде), джентльменам было разрешено остаться не более чем на пять минут. Мемуары Гревилья, 26 февраля 1840 года (из неопубликованного).

мистер Гревиль. «О да, и катались очень долго», — оживившись, ответила королева. «А понравилась ли вашему величеству лошадь?» — спросил мистер Гревиль. «О, лошадь была великолепно», — ответила королева. На этом разговор закончился. Ее величество пожаловала его улыбкой и легким кивком, мистер Гревиль отвесил глубокий поклон, и разговор перешел к следующему джентльмену. Когда гости расходились, герцогиня Кентская садилась играть в вист, а остальные собирались за круглым столом. Лорд Мельбурн усаживался рядом с королевой и заводил какой-нибудь поучительный разговор — обычно обсуждалось содержимое одного из громадных альбомов с гравюрами, которые горой лежали на круглом столе; и так до полдвенадцатого, пока не наступало время сна.

Иногда случались отступления от заведенного порядка: вечер могли провести в опере или на спектакле. На следующее утро королева обязательно записывала свои критические замечания. «Давали трагедию Шекспира “Гамлет”, и мы вошли, когда она уже началась. Гамлета играл мистер Чарльз Кин (сын старого Кина), и, надо сказать, великолепно. Его трактовка этого очень сложного и, я бы даже сказала, непостижимого персонажа просто восхитительна; с каким великолепием он произносил все эти длинные монологи; он чрезвычайно грациозен, и все его движения и позы очень хороши, чего не скажешь о его лице... Я уехала сразу же после окончания». Позже она выезжала посмотреть Макреди в

«Короле Лире». Пьеса была для нее в новинку. Она ничего о ней не знала и поначалу мало интересовалась происходящим на сцене, предпочитая переговариваться и смеяться с лордом Чемберленом. Но по мере развития сюжета ее настроение переменялось, внимание сосредоточилось, и она уже больше не смеялась. И все же она была удивлена; пьеса показалась ей странной и ужасной. А как считает Лорд М.? Лорд М. считал, что пьеса неплоха, но, конечно, «груба, неотесанна, написана для тех старых времен, с этими неестественными персонажами». «Я рад, что вы ее посмотрели», – добавил он. Но, несомненно, наибольшую радость вызывали у нее вечера с танцами. Она всегда устраивала танцы по малейшему поводу – будь то визит кузенов, день рождения или просто собрание молодежи. И когда начинал играть оркестр и фигуры танцоров раскачивались в такт музыке, она ощущала, как сама начинает раскачиваться в тесном окружении юношеских душ; ее счастье достигало вершины, глаза искрились, и она танцевала и танцевала до самого рассвета. В такие минуты даже сам Лорд М. предавался забвению.

V

Шли месяцы. Закончилось лето – «Наиприятнейшее лето *моей жизни*, и я никогда не забуду этого первого лета моего правления». С удивительной быстротой приближалось следующее лето. Как чудесный сон, промелькнула корона-

ция. Древний, запутанный, бесконечный церемониал сработал настолько хорошо, насколько можно, подобно какому-то невероятно сложному, слегка разладившемуся механизму. Маленькая фигурка прошла через все его шестеренки. Она сидела; она шла; она молилась; она носила державу, которая была так тяжела, что она едва могла ее удержать; архиепископ Кентерберийский вышел и надел ей кольцо не на тот палец, так что она чуть не расплакалась от боли; во время присяги старый лорд Ролл запутался в мантии и упал со ступенек; ее завели в боковую часовню, алтарь которой покрывала скатерть с бутербродами и бутылками вина; она заметила Лейзен в верхней ложе и, садясь в мантии и короне на трон исповедника, обменялась с ней улыбками. «Я навсегда запомню это день – *величайший* день моей жизни», – записала она. Но величие вскоре опять растворилось в юности и простоте. Возвратившись в Букингемский дворец, она вовсе не выглядела усталой. Она взбежала к себе, сбросила с себя маску величия и искупала на ночь песика Деша.

И снова жизнь потекла с привычной размеренностью – хотя, конечно, эта размеренность временами нарушалась. И в первую очередь это происходило из-за странного поведения дяди Леопольда. Король Бельгии не смог устоять перед искушением – воспользоваться своим семейным положением для дальнейшего укрепления дипломатических позиций. Да и, в конце концов, о каком отказе может идти речь? Какое тут

искушение, разве не было такое поведение *selon les regies*?¹⁴ А для чего же еще существуют королевские браки, как не для того, чтобы монархи, вопреки конституционным препонам, могли вмешиваться в политику других государств? В высших целях, конечно, что ж тут непонятного. Королева Англии была его племянницей и даже более – почти что дочерью; его доверенный агент занимал при ее дворе наивыгоднейшее положение. Конечно, в такой ситуации было бы противоестественным, было бы совершенно неправильным упустить такую возможность и не исполнить свои желания путем личного влияния, за спиной английских министров и вопреки иностранной политике Англии.

Он приступил к исполнению замысла с крайней осторожностью. В своих письмах он продолжал давать ей прекрасные советы. Спустя несколько дней после вступления на престол он рекомендовал молодой королеве при каждом удобном случае подчеркивать ее английское происхождение, славить английскую нацию; «также настоятельно рекомендую поддержать государственную церковь; и не следует *слишком заострять внимание на предмете*, если только вы не *просите* для себя каких-то *особых привилегий*». И затем: «Я был бы рад, если бы перед принятием важных решений вы советовалась со мной; это к тому же сэкономит вам время»; нет ничего хуже, чем второпях принять неверное решение и даже не подозревать об этом. Племянница незамедлительно

¹⁴ В полном соответствии с правилами (*фр.*)..

ответила с традиционной теплотой, но писала торопливо и, вероятно, тоже несколько туманно. «Ценность *ваших* советов просто *невозможно переоценить*», – сказала она.

Может быть, он зашел слишком далеко? В этом у него уверенности не было; возможно, Виктория *просто* торопилась. Во всяком случае, надо быть осторожным и немного отступить – «*pour mieux sauter*»¹⁵, сказал он себе с улыбкой. В следующем письме он даже не упомянул о своих предложениях с ним советоваться. Он просто сказал, что это вообще мудро – отказаться от поспешного принятия важных решений. Этот его совет она приняла, и было подмечено, что королева редко дает немедленный ответ на представленные ей прошения. Правило распространялось даже на лорда Мельбурна. Когда он спрашивал ее мнение по какому-нибудь вопросу, она отвечала, что должна все обдумать, и давала ответ лишь на следующий день.

А советы короля Леопольда продолжались. Принцесса де Ливен, сказал он, опасная женщина. Есть основания полагать, что она попытается сунуть нос в дела, которые ее не касаются, и Виктория должна быть настороже. «Я настоятельно рекомендую *никогда не позволять* людям обсуждать себя или свои дела, если вы только сами этого не хотите». А если такое все-таки случится, «смените тему разговора и дайте собеседнику понять, что он совершил ошибку». Этот совет был тоже принят к сведению, ибо все случилось так, как и

¹⁵ Чтобы дальше прыгнуть (*фр.*)..

предсказал король. Мадам де Ливен испросила аудиенцию и попыталась перевести разговор на конфиденциальные темы; королева слегка смутилась и отделалась лишь формальными фразами. Собеседница почувствовала, что совершила ошибку.

Следующее предостережение короля было поистине замечательным. Практически все письма, утверждал он, вскрываются на почте. Это, конечно, неудобно, но при правильном подходе знание этого факта может принести определенные преимущества. «Приведу один пример. Нас все еще терзает Пруссия по поводу тех крепостей. Как высказать прусскому правительству все то, что *нам не хотелось бы*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.